

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 104, май 2023

ВРЕМЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО РАСКОЛА

Двадцать лет назад, когда американские ракеты начали наносить удары по Багдаду, мы оценивали, что целью «войны по выбору», развязанной Джорджем Бушем в Ираке, было «время»: «Вашингтон убедил себя, что тенденции, действующие в политическом и экономическом плане, в будущем не будут ему благоприятствовать, поэтому он выбрал игру на опережение по отношению ко времени своего относительного упадка. Речь, прежде всего, идёт о том, чтобы поставить условия Европе и Китаю, которые изменят сейчас мировой баланс сил между державами: Европа, структурируя свою политическую силу, Китай, утверждаясь в качестве промышленного гиганта и реализуя в военно-политическом плане эту возросшую силу. Или, думают в Вашингтоне, Соединённые Штаты начнут действовать сегодня, пытаясь обусловить эти изменения, или завтра им придётся ощутить на себе эти изменения, направляемые увеличившейся и, возможно, комбинированной мощью Китая и Европы».

Именно эта война заставила нас сделать вывод, что открылась новая стратегическая фаза. До 1990-х годов оставалось верным, что – на уровне глобальных отношений унитарного империализма – кризисы старых областей находили решение и стратегическое пространство в длительном развитии новых областей. Это было в конечном итоге основой «Те-

зисов» 1957 года. Но теперь, когда в новых областях появлялись новые державы, способные потребовать пересмотра порядка, в первую очередь Китай, открывалась новая фаза. Тот факт, что Вашингтон счёл необходимым вступить в войну для защиты своего глобального превосходства, подтверждая свою хватку над энергетической артерией Персидского залива, ознаменовывал этот переломный момент.

Координаты этих размышлений мы находим в книге «L'Europa e la guerra» («Европа и война»). То, что намерения Вашингтона – «политическая война» с целью повлиять на глобальный баланс сил, – были таковы, можно было понять из документа о «стратегии национальной безопасности», распространённого несколькими месяцами ранее, в ходе американской и трансатлантической дискуссии, подготовившей военную интервенцию. В нём США заявляли, что «осознают возможность возвращения к старым традициям соперничества между великими державами», то есть видят появление новых соперников. Утечка, опубликованная *New York Times*, давала подлинную интерпретацию того, что в пропаганде подготовки к войне было представлено как простая «превентивная война» против терроризма: «Президент не намерен позволить какой-либо иностранной державе преодолеть огромное преимущество, полученное Соединёнными Штатами после краха СССР более десяти лет назад. Наши вооружённые силы будут достаточно сильны, чтобы удержать потенциальных противников от проведения политики перевооружения в надежде превзойти или сравняться с мощью США».

Более структурированные мысли были изложены двумя годами ранее Генри Киссинджером в его «дидактическом» тексте для кандидатов в президенты «Нужна ли Америке внешняя политика?». Соединённые Штаты принимали участие в двух мировых войнах на Старом континенте «с целью недопущения доминирования в Европе потенциального противника»; на Востоке они вели три войны: против Японии, в Корее и во Вьетнаме – «чтобы отстоять аналогичный принцип в Азии».

«Враждебный азиатский блок, объединяющий самые многонаселённые страны мира и обширные ресурсы, имеющие самых трудолюбивых людей, вступит в противоречие с американскими национальными интересами. По этой причине Америка должна сохранять присутствие в Азии, а её геополитической целью должно оставаться недопущение сращивания Азии в недружественный блок (который, вероятнее всего, может сложиться под патронажем одной из крупных держав). Отношение Америки к Азии сравнимо с

отношением Великобритании к Европе на протяжении четырёх столетий».

В целом, можно отметить, что США не проявили стратегического терпения для непрерывной реализации военно-политического плана, лежавшего в основе войны в Ираке, но цель предотвращения создания враждебного азиатского блока осталась стержнем их азиатско-тихоокеанского направления.

Два десятилетия неравномерного развития новой стратегической фазы имели, однако, важные последствия. Пекин умножил свою экономическую, политическую и военную мощь. Ретренчмент Барака Обамы и непоследовательное поведение Дональда Трампа сделали политику США на Среднем Востоке неопределённой. Конфликт в Ираке перерос в сирийский, в сочетании с террористическим повстанческим движением, подпитываемым крахом Ирака, и рас-

кручиванием арабской весны, вызванной глобальным кризисом 2008 года. Сегодня посредничество Китая в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией, возможно, знаменует поворотный момент в этой беспокойной двадцатилетней войне, и, безусловно, демонстрирует новое империалистическое влияние Пекина на энергетическую артерию Персидского залива. В долгосрочной перспективе противостояния американская дилемма о возникновении враждебного азиатского блока не только никуда не исчезает, но и увеличивается в масштабах. И именно признаки потенциального единства в региональном умиротворении демонстрируют, в возрастании китайского влияния, ход движения раскола.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, апрель 2023 г.

Арриго Черветто

Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей»» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.
ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

Содержание

ВРЕМЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО РАСКОЛА	стр. 1
Доктрина Макрона между Украиной и Тайванем	стр. 2
Над восстановлением сгущаются новые тучи	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Дефиле европейцев в Пекине	стр. 4
Путин ищет поддержки у Си Цзиньпина	стр. 5
<i>Авантюры «русского мира»</i>	
Зомби-идеологии эпохи слобализации	стр. 6
<i>Российские хроники</i>	
Цветные революции и суверенная демократия	стр. 7
«Двадцатилетняя война» и пекинское соглашение по Персидскому заливу ...	стр. 8
<i>Рецензии</i>	
Сомнамбулы	стр. 9
Империалистическая война и Соппротивление в Европе	стр. 10
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Тирпиц и Каутский в Пекине	стр. 11
Сталинизм и поражение английских забастовок 1926 года	стр. 12
<i>Промышленная политика в США</i>	
Промышленный перезапуск Джо Байдена	стр. 13
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Политические цифры китайской драмы	стр. 14
<i>Атом и индустриализация науки</i>	
Первые шаги британской атомной бомбы	стр. 15
Пограничники	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Договора и торговые войны

Байден идёт на конфликт с трибуналом ВТО	стр. I
Энергетическое исключение в ВТО	стр. II
Закон джунглей в ВТО	стр. III
Манила запрыгивает в поезд ВРЭП	стр. IV

Доктрина Макрона между Украиной и Тайванем

(начало на 1-й стр.)

В течение двух десятилетий наш марксистский анализ ждал, что Китай, а также Индия заявят о себе на Среднем Востоке. Это случилось. Посредничество Пекина в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном не только вклинивается в линию разлома между шиитами и суннитами, на протяжении веков проходящую через регион, но и является вехой в империалистическом проникновении Китая. Настолько, что вызывает аналогию с переговорами, которые Вашингтон провёл по завершении русско-японской войны 1905 года: шаг, символизирующий дебют США на арене мирового империализма.

Вопрос о том, замедлила ли война по выбору Джорджа Буша-старшего восхождение Китая или ускорила его, является спорным; отметим, что сегодняшняя война чипов, сочетание протекционистских мер и технологического отрицания в отношении Китая, демонстрирует те же намерения, которые мотивировали контроль над энергетической артерией двадцать лет назад. В долгосрочной перспективе противостояния империалистическое развитие Пекина оказалось определяющей силой в изменении баланса сил; это не умаляет того факта, что сегодня Вашингтон ухватился в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе за те же жизненно важные для Китая линии связи, что и в Персидском заливе.

Миссия Эмманюэля Макрона в Пекин и интервью с ним в *Les Echos* предоставляют элементы для подведения итога двадцати лет на европейском фронте. Относительно напряжённости вокруг Тайваня, Макрон утверждает, что Европа не заинтересована в ускорении кризиса, не должна «плестись в хвосте» и «приспосабливаться к американскому ритму и к чрезмерной реакции Китая»: «Ловушка для Европы будет заключаться в том, что, когда она проявит своё стратегическое положение, обретя большую стратегическую автономию, чем у неё имелась до ковида, то она окажется в ловушке разрушения мира и кризисов, которые, пожалуй, не являются нашими. Если ускорится пожар двухполярного мира, то у нас не будет ни времени, ни средств для финансирования нашей стратегической автономии, и мы станем вассалами, в то время как у нас есть возможность стать третьим полюсом, если найдутся несколько лет, чтобы построить его».

Наряду с тезисом о том, что Франция якобы выиграла «идеологическое сражение» в Европе за утверждение понятия «стратегическая автономия», в основе тезиса Макрона лежит противопоставление между ускоренными темпами противостояния и годами, которые ещё необходимы ЕС, чтобы утвердить себя в качестве полюса силы, и это вопрос времени, который стоит перед европейским империализмом. Сделаем несколько замечаний.

Чтобы оценить внешнеполитическую линию или доктрину, необходимо сопоставить её с действительными силами, которые могут её поддержать, и историческими прецедентами, которые содержат элемент сравнения. Что касается действительных сил, ключевой вопрос заключается в том, поддерживает ли линию Макрона Германия. Французская стратегия для Европы получит реальные шансы на успех только в том случае, если сформируется франко-германская линия. Здесь Макрон даёт триумфальную оценку своим достижениям, и становится ясно, что выигранное идеологическое сражение, включая превращение «французских» инструментов дирижизма и промышленной политики, ранее чуж-

дых европейской политической культуре, является для Макрона сражением, выигранным прежде всего в Германии.

Однако французский президент спешит с выводами о том, насколько сильно украинский кризис повлиял на разделение ЕС – достаточно обратить внимание на тропизм Польши по отношению к США, – а также раздвинул саму франко-германскую ось. Мы считаем, что действительная аннулирующая проблема для практической осуществимости понятия *Европы как третьего полюса* касается обороны, и, в частности, ядерного оружия. Настоящим стратегическим скачком, который подтвердил бы немецкое согласие на такую стратегию, было бы принятие Германией французского предложения о совместном использовании ядерного оружия, в результате чего сдерживание, обеспечиваемое США, было бы уравновешено французским сдерживанием. Только в этих условиях, даже в рамках атлантической связи, можно говорить об эффективной *европейской стратегической автономии*, безусловно, обеспеченной европеизацией *force de frappe*¹ параллельно с американской гарантией. Внимание: вне этих евроатлантических координат, вне поиска трансатлантической *взаимности* внутри Альянса никакой европейский консенсус не представляется возможным.

Что касается исторических прецедентов, то в обновленной доктрине Макрона нет никакого размышления о том, как украинская война повлияла на его стратегические цели. Они были сосредоточены именно на реалистичном определении интересов безопасности России и последующем построении европейской архитектуры безопасности, почти как предварительным условием для возможности действий Европы на других шахматных досках. Теперь война разрушила эту перспективу по крайней мере на десятилетие, так же как она разорвала энергетическое *Rapallo* и прекратила немецкую *Ostpolitik*, и в то же время сплотила НАТО и ЕС как никогда ранее. Сейчас кажется действительно смелым утверждать, что *европейская стратегическая автономия* выиграла своё идеологическое сражение, не считаясь с тем фактом, что в настоящее время она проиграла сражение за Украину. Перед лицом новых стратегических рамок, созданных войной, французский и даже немецкий выбор заключается скорее в том, чтобы сделать добродетель из необходимости, и использовать в европейском смысле следующее стремление к перевооружению. Но эти размышления отсутствуют в интервью *Les Echos*, и в этом недостаток обновления доктрины Макрона.

Если реальная новизна тезисов французского президента заключается в остроте, с которой он ставит *вопрос времени*, то речь тем не менее идёт о распространении размышлений на *двадцатилетие, потерянное ЕС* после войны 2003 года в сфере формирования совместной обороны. Уже в начале 2000-х годов, особенно на Конституционном конвенте, *европейская оборона* была на повестке дня дебатов ЕС. Если сегодня Макрону придётся снова представлять как достижение то, что он «внедрил идею европейской обороны», то это потому, что война 2003 года заморозила эту попытку, в результате чего ЕС потерял два десятилетия. И если сегодня Макрон беспокоится о приближении конфронтации между США и Китаем, в то время как ЕС требуются «несколько лет» для утверждения себя в качестве полюса силы, то это свидетельствует о весе потерянных двадцати лет.

Выступив против войны в Ираке, Жак Ширак и Герхард Шрёдер дали понять, что они не будут участвовать в конфликте, который не является их собственным, как сегодня Макрон делает это в отношении Тайваня. Этот отказ имел два последствия: американская проникающая игра разделила ЕС на *старую* и *новую Европу*; франко-германская ось, сопротивляясь этому вторжению, утвердила потенциал *европейской стратегической автономии* в той мере, в какой Франция и Германия заняли общую с Россией позицию против войны.

Двадцать лет спустя *украинская война* не только воспроизвела динамику американского вторжения и разделения между *старой* и *новой Европой*, но и поставила под сомнение зародыш *стратегической автономии*, который в то время, как можно было видеть, оберегала рейнская ось. В то время *Nouvel Observateur* писала, что «нет» этой американской войне означает подготовку других войн во имя Европы: «экономических, технологических и даже тех, которые ведутся посредством оружия». Даже если согласиться с выводами Макрона относительно экономического и технологического суверенитета, то на военном уровне в новом испытании огнём рейнская ось демонстрирует, что она не оправдала ожиданий: Париж и Берлин оказались вынуждены поддерживать НАТО, возглавляемое США, в войне на Украине, от которой они пострадали, а главные герои оппозиции 2003 года – рейнская ось и Россия – теперь оказались по разные стороны фронта. Авантюризм Владимира Путина в феврале 2022 года, несомненно, ускорил этот процесс, но политическая почва для этого была подготовлена стратегической слабостью ЕС, который не смог сохранить Нормандские и Минские соглашения от эрозии, вызванной вторжением или колебаниями американской политики.

С одной стороны, Макрон должен навестить двадцать потерянных лет и признаёт, что находится в гонке со временем: это можно прочесть в конце интервью, где он говорит, что в области внешней проекции «уже двадцать лет или около того» Европа находится в «гесиле» – в отступлении. С другой стороны, французский президент, кажется, предупреждает Вашингтон, что в вопросе Тайваня Париж и Европа не допустят повторения игры. Если американский нарратив предполагает объединение двух кризисов, Украины и Тайваня, как двух фронтов противостояния авторитарному блоку Китая и России, то Макрон пытается их развести, предупреждая, что Тайвань не является европейским кризисом, и даже отмечая отличия линии Си от линии Путина.

Последний аспект указывает на возможную ближайшую политическую цель французского президента, связанную с противоречивым стратегическим видением Европы как *третьего полюса* и *нескольких лет* сражения для достижения этой цели. По одной из версий, Макрон намеревался говорить в основном с США, а точнее Джо Байденом, которого тянут за пиджак наиболее непримиримые течения, в том числе внутри его собственной администрации, подталкивая к противостоянию с Пекином. Можно понять, что Макрон, перед лицом усиливающихся в США слухов о войне, заявляет о *красной линии* ЕС. То есть, что война за Тайвань не будет европейской, и ЕС защитит себя от экономического принуждения посредством санкций, использующих экстерриториальность доллара.

Если *великая картина* Европы как *третьего полюса*, несомненно, сталкивается с недоумением практического плана Нидерландов или страдает от нерешённой дилеммы Германии, пересекаемой *структурным атлантизмом*, то непосредственная цель не оказаться втянутым в конфликт с Китаем, несомненно, находит широкую поддержку в ЕС, начиная с той же Германии. Она также может стать почвой для поиска общего языка с Токио, который испытывает те же опасения, что и Германия по поводу балансирования между стратегической связью с США и постоянными интересами на китайском рынке. Это может быть добавлено к голосованию ногами, подтверждённому европейцами во время их миссий в Китай: самим фактом поездки в Пекин с десятками больших групп и Олаф Шольц, и Макрон санкционировали свою оппозицию *декаплингу*.

В этом смысле – Макрон бьёт тревогу по поводу европейской *красной линии* – может быть решена загадка реального смысла совместной миссии с председателем Европейской Комиссии Урсолой фон дер Ляйен; бьющий тревогу Макрон может быть полезен для уравнивания фон дер Ляйен в плане *дерискина*, но не *декаплинга* в отношении Пекина; это ещё один способ поддержать вариант *China Plus*, то есть дифференцироваться от цепочек создания стоимости, завязанных на Китай, но не отказываясь от них.

Брэд Глоссерман на страницах *Japan Times* предполагает возможность сближения ЕС и Японии на основе *дерискина*, но не *декаплинга*, что позволит Токио опираться на европейские оговорки, а Байдену – использовать их против наиболее непримиримых течений внутри страны. Глоссерман, хотя он и настроен критически в отношении стратегических претензий французского президента, утверждает, что реалистичный подход ЕС в отношении Китая мог бы выступить в качестве «важного противовеса» антикитайскому «зашоренному консенсусу», который доминирует в мышлении США, находя общее с Японией, «чья логика во многом повторяет европейскую»: «Единая Европа, с согласованной и последовательной политикой в отношении Китая, могла бы в такой концепции глобального порядка уравновесить Пекин, не впадая в крайности вслед за США. Хотя ЕС не может в одиночку уравновесить Китай, его подход сходен с японским, и вместе они предлагают более привлекательную альтернативу для тех, кто скептически относится к позиции США – «всё или ничего»».

По мнению Глоссермана, «только работа с Токио и другими странами, позиции которых сходны, ЕС может добиться успеха», а Япония сближается с ЕС «по крайней мере, 20 лет», с ускорением после качелей президентства Трампа. Мы можем видеть обновление формулы Гельмута Шмидта, изложенной в книге «*Nachbar China*» («Соседний Китай»), на которую мы часто ссылались: Европа, теперь в конкуренции с Японией, сумеет удержать США от новой холодной войны с Китаем.

Тем не менее, две стороны диалектики *единства* и *раскола* сохраняются: возможная многосторонняя конвергенция идёт рука об руку с перевооружением и ростом напряжённости в азиатском эпицентре. Отделить их от напряжённости в Европе будет непосильной задачей.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

1 – Французские силы ядерного сдерживания.

Над восстановлением сгущаются новые тучи

«Неустойчивое восстановление», в котором преобладают риски снижения роста – таково, если вкратце, мнение МВФ о глобальном цикле, судя по апрельским публикациям фонда. Главным врагом для МВФ по-прежнему остаётся инфляция (6,9 % в Еврозоне и 5 % в США), но он также не исключает и наступления рецессии или финансового кризиса: «Появился гораздо больший риск жёсткой посадки, особенно в странах с развитой экономикой».

Экспансионистский потенциал мировой экономики, по-видимому, иссякает: в среднем за следующие 5 лет темпы роста, как ожидается, упадут до 3 %, что является самым низким показателем с 1990 года, начиная с которого МВФ публиковал эту среднесрочную оценку, своего же пика рост достиг в 2008 году – 4,9 %. Причины того, что кривая стала нисходящей, МВФ видит в замедлении экономики быстрорастущих «развивающихся» стран, таких как Китай и Южная Корея, демографическом спаде, снижении объёма инвестиций и геополитической тенденции к фрагментации глобального рынка.

Большая жатва банковского капитала

«Фундаментальный вопрос», поставленный в Докладе по вопросам глобальной финансовой стабильности, заключается в том, являются ли недавние банковские кризисы «предвестником более системной напряжённости, которая подвергнет глобальную финансовую систему испытанию», или «отдельным проявлением проблем, [вызванных] более ограниченными монетарными и финансовыми условиями». Ответ МВФ заключается в том, что, хотя регуляторные меры, принятые после мирового финансового кризиса, сделали крупнейшие банки более устойчивыми (правда, банкротство Credit Suisse противоречит этому утверждению), всё ещё остаются опасения по поводу возможных уязвимостей, «скрытых не только в банках, но и в небанковских финансовых посредниках». В своей заметке директор Департамента денежно-кредитных систем и рынков капитала МВФ Тобиас Адриан обрисовывает сходство между сегодняшним кризисом региональных банков в США и кризисом американских сберегательных банков в 1980-х годах, отмечая эпизод банкротства в 1984 году Continental Illinois, который в то время был седьмым по величине банком в Штатах по объёму депозитов.

Выражение «too big to fail» («слишком большой, чтобы рухнуть») было введено в своё время в политических дебатах, но оно не помогло предотвратить падение в пропасть Continental вместе с более чем 1000 сберегательных касс, открытых за десятилетие. Мы видим, что большие сокращения в кредитной системе, происходящие по причине действия закона концентрации и централизации капитала, повторялись примерно раз в декаду. Законы о дерегулировании банковской деятельности 1994 и 1999 годов уничтожили банковские связи между штатами и объединили кредитный рынок, сократив количество банков в США с 10 тыс. до 4,2 тыс. в период с 1995 по 2001 год. Глобальный финансовый кризис 2008 года ликвидировал ещё 500 банков. «Фундаментальный вопрос», поставленный МВФ, можно переформулировать так: возникнет ли

четвёртая волна централизации банковского рынка в США и затронет ли она небанковский финансовый сектор?

Банки и небанки

Результат процесса централизации кредитного капитала носит двойной характер. С одной стороны, набирают силу банковские гиганты, которые после кризиса 2008 года определены Советом по финансовой стабильности (FSB) как «системно значимые». В 2022 году в эту группу входили около 10 американских банков, около 10 европейских банков (включая несуществующий теперь Credit Suisse) и ещё десяток в остальном мире (4 китайских, 3 британских и 3 японских). С другой стороны, наряду с этой планетарной «финансовой олигархией» сложилась финансовая система, избегающая жёсткого банковского регулирования, которая изъела или преобразовала часть капитала, вытесненного с кредитного рынка. Она включает в себя страховые компании всех размеров, крупные пенсионные и инвестиционные фонды, фонды недвижимости, компании по управлению активами. Сегодня об этой системе «небанковских финансовых посредников», когда-то называемой «теневой банковской системой», заговорил сам МВФ.

Этот сектор, который использует для своих операций не депозиты, а страховые взносы, отложенную заработную плату, кредиты и выпуски облигаций, сейчас представляет 63 % активов всего финансового рынка США против 22 % банков и 15 % институционального сектора (ЦБ и госучреждения). В глобальном масштабе доли этих трёх сегментов, рассчитанные FSB, составляют соответственно: 49,2 %, 37,5 %, 13,3 %. Во Франции доля банков составляет 56 %, в Испании 52 %, в Германии 48 %, в Италии 43 %.

Цель ЕС по созданию союза рынков капитала состоит в том, чтобы преодолеть гипертрофию банковского сектора и приблизиться к США по размеру и разнообразию финансовых активов. Этой трансформации препятствуют менее агрессивные кризисы на более защищённых европейских кредитных рынках, задержка с завершением создания банковского союза и единого механизма страхования депозитов, а также отсутствие единого европейского рынка государственного долга с однородной доходностью.

Риск в секторе коммерческой недвижимости

По мнению аналитиков, одним из рисков, нависающих над банками и небанковскими организациями, является их зависимость от сектора коммерческой недвижимости (под которой понимаются магазины, офисы, склады, хранилища и т. д.). По данным Washington Post, пандемия прервала двадцатилетний период, в течение которого сектор коммерческой недвижимости был весомым фактором роста региональных банков. Срок действия миллионов договоров коммерческой аренды истекает в ближайшие два года, и, если их не продлить, стоимость недвижимости упадёт, что в силу эффекта домино скажется на счетах банков. По данным Standard & Poor's, 400 банков США накопили кредитов на коммерческую недвижимость на сумму, в три раза превышающую объём более безопасных инвестиций. В докладе МВФ о

финансовой стабильности отмечается, что три четверти кредитов, предоставленных этому сектору, находятся в руках банков с активами менее 250 млрд долларов.

Со своей стороны, небанковские организации имеют большой вес в инвестиционных фондах недвижимости и выпуске ценных бумаг, обеспеченных ипотечными кредитами на коммерческую недвижимость. Миллиардер Илон Маск, похоже, делает ставку на то, что в секторе скоро возникнет кризис: по его словам, в ближайшие 5 лет наступит срок погашения долгов по коммерческой недвижимости на сумму 2,5 трлн долл., при этом процентные ставки выросли более чем вдвое, а коммерческая недвижимость занята только на 60–70 %. The Economist видит гораздо меньшие риски: даже в случае кризиса в секторе коммерческой недвижимости, если загнанным в угол банкам удастся вернуть хотя бы половину своих кредитов, продав активы со скидкой до трети от той стоимости, которую они имели три года назад, потери этих групп ограничатся одной десятой их капитала. Любопытный оптимизм для такого мрачного сценария.

Имитируя Silicon Valley Bank

Ключевая ставка ФРС на уровне 5 % сдвигает всю кривую доходности вверх. Большая часть прибавочной стоимости пойдёт кредиторам и рантье. Если инфляция благоприятствует заёмщикам, а не кредиторам, то рост ставок приводит к противоположному результату. В то же время более высокие процентные ставки обесценивают часть активов. Часть депозитов, на которые в банках США получают максимум 1 % годовых, переходит в государственные облигации, доходность которых в 3–4 раза выше. То же самое делают и руководители региональных банков, сокращая свою не приносящую прибыль ликвидность. Банкротства банков в этих условиях показывают, что новые пропорции идут на пользу далеко не всем.

Четыре исследователя (Эрика Цзян из Южно-Калифорнийского университета, Грегор Матвос из Северо-Западного университета, Томаш Пискорски из Колумбийского университета и Амит Серу из Стэнфордского университета) опубликовали исследование балансов более чем 4,8 тыс., то есть почти всех, американских банковских учреждений. Это исследование было направлено на то, чтобы количественно оценить влияние повышения ставок на банковские активы и выяснить, сколько банков США находятся в условиях, сравнимых с теми, в которых находился Silicon Valley Bank (SVB) перед крахом.

Во-первых, текущая рыночная стоимость банковских активов (кредиты, ипотечные кредиты, казначейские обязательства и т. д.) на 2 трлн долларов ниже их балансовой стоимости. Потенциальные убытки более чем утроились по сравнению с концом 2022 года, когда ФРС оценила «нереализованные убытки» в 640 млрд долларов. В I квартале 10 % банков (около 500) имели нереализованных убытков больше, чем SVB накануне краха. Во-вторых, капитализация одной десятой банков США меньше, чем капитализация SVB. В-третьих, средний банк США финансирует свои активы на 9 % за счёт собственного капитала, на 63 % за счёт за-

страхованных депозитов и на 28 % за счёт незастрахованных депозитов: SVB был одним из самых безрассудных банков, финансируя собственные инвестиции на 78 % за счёт незастрахованных депозитов; только у сорока других банков дела обстоят хуже. С другой стороны, исследование констатирует, что если бы паника побудила вкладчиков изъять незастрахованные вклады, то это имело бы негативные последствия для трети всех банков, даже несмотря на то, что основной объём их вкладов застрахован. Политическая цель исследования состоит в том, чтобы показать, что побочный ущерб от ужесточения монетарной политики больше, чем ожидалось.

Парижский клуб и Китай

Ужесточение монетарной политики США укрепляет доллар и катализирует напряжённость, накопившуюся в странах с «формирующейся рыночной экономикой» и «развивающихся» странах. В январе Египет, Пакистан и Ливан отказались от привязки к доллару, надеясь разблокировать экстренное финансирование МВФ. Переговоры о реструктуризации долга Шри-Ланки, Ганы и Замбии стали ещё одной ареной империалистического противостояния. По словам директора-распорядителя МВФ, застой в переговорах – возможно, временный – представляет собой один из драматических эпизодов «геополитической раздробленности» мира.

«World Economic Outlook» фиксирует изменение соотношения сил в этой области. В 1996 году на западных кредиторов Парижского клуба приходилось 39 % двустороннего внешнего долга; сегодня – 12 %. Страны, не связанные с клубом, включая Китай, Саудовскую Аравию и ОАЭ, нарастили свою долю с 8 до 22 %. Частные кредиторы удвоили свою долю с 8 до 16 %. Остальное – это долги перед многосторонними учреждениями. Китай, который стал ведущим кредитором «развивающихся» стран, выдал кредитов на сумму около 1 трлн долл. в рамках проекта Нового шёлкового пути, требует изменения правил. Он настаивает на том, что многосторонние институты: МВФ, Всемирный банк, банки развития, – которые Пекин считает эманациями Запада, должны участвовать в реструктуризации долга. До сих пор они были освобождены от неё из-за их многосторонней роли и потому, что прямое участие в ней поставило бы под угрозу их рейтинг, который позволяет им получать капитал по самой низкой ставке.

Столкновение приняло радикальный характер. Комментирующий его The Economist указывает в качестве выхода использование «кредита задним числом», впервые опробованного в 2015 году против России, бойкотировавшей реструктуризацию украинского долга. Западные страны судили бы деньгами странам с долгами, а эти страны «должны были бы пообещать объявить дефолт по китайским кредитам сегодня и не брать новый кредит у Китая в будущем, иначе они потеряют доступ к МВФ». Как утверждает лондонский журнал, «считается, что официальные лица США открыты для этой концепции». Это означает начало ещё одной прокси-войны иными средствами.

Европейские хроники

Дефиле европейцев
в Пекине

Спустя год войны на Украине «Вашингтон и Пекин являются главными стратегическими победителями», – утверждает Люк ван Мидделар. Со страниц голландской газеты *NRC* советник нидерландского правительства и бывший соратник президента Европейского совета Хермана Ван Ромпэя сожалеет о неспособности европейского империализма самоутвердиться: «Конфликт ускоряет разделение мира на два полюса» (22 марта). Как пишет *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)*, война на Украине «точно не является региональным конфликтом» и имеет важные геополитические последствия, служит «катализатором», позволяющим Китаю бросить Соединённым Штатам вызов, оспорив их роль гаранта мирового порядка (22 марта).

Вольфганг Ишингер, бывший дипломат и экс-председатель Конференции по безопасности в Монако, предлагает способ, каким Евросоюз мог бы показать, что ещё не «похоронил свои намерения стать геополитическим игроком». Запустив диалог с Пекином на основе китайского документа из 12 пунктов по украинской войне, ЕС мог бы попытаться добиться отдаления Китая от России и положить конец войне. «Если бы Вашингтон следовал совету Генри Киссинджера в данной ситуации [...], то стратегия Запада должна была бы основываться на формуле сосуществования Вашингтона и Пекина»; тем не менее, расстраивается Ишингер, «к сожалению, на данный момент Вашингтон поступает противоположным образом» (*Handelsblatt*, 23 марта). С точки зрения этого пожилого атлантиста, нужно не дистанцироваться от Вашингтона ради сближения с Пекином, а предложить инициативу, благодаря которой ЕС смог бы добиться большей взаимности в рамках альянса, найти выход из войны и оказать влияние на США, чтобы те следовали менее агрессивной линии в отношении Китая. Широкая программа.

Китай –
европейская держава

Недавняя волна визитов европейских представителей в Пекин не только сигнализирует о возобновлении тесных экономических отношений вслед за постпандемическим открытием, но и отражает «намерение [Европы] стать геополитическим игроком». За путешествием в Китай испанского премьера Педро Санчеса последовала поездка французского президента Эммануэля Макрона и председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен. Спустя несколько дней в Китай направилась и министр иностранных дел Германии Анналена Бербок.

Дефиле европейцев по красной дорожке Пекина по стопам немецкого канцлера Олафа Шольца, слетавшего туда в ноябре, сильно контрастирует с отсутствием американских представителей. Таким «голосованием ногами» европейцы посылают двойной сигнал: с одной стороны, они сопротивляются слишком антикитайской американской линии, с другой – признают роль Китая в европейской войне. Главным требованием европейских гостей к китайскому представителю Си Цзиньпину было использовать влияние Пекина на Москву, чтобы положить конец войне на Украине.

Благодаря дружбе с Россией Китай обладает сегодня «своего рода правом надзора за порядком европейской безопасности», прокомментировала *Le Monde* (5 апреля).

“Дерискинг”,
но не “декаплинг”

За неделю до своего визита в Пекин Урсула фон дер Ляйен выступила в Брюсселе с резкой речью об отношениях ЕС и Китая. Она упрекнула Си Цзиньпина в его дружбе с Владимиром Путиным, которая «не имеет границ», и разоблачила китайские практики экономического принуждения и нарушения прав человека в Синьцзяне. По словам фон дер Ляйен, «Китай становится всё более репрессивным внутри и всё более напористым вовне»: «чёткая цель Коммунистической партии Китая состоит в системном преобразовании международного порядка с помещением в его центр Пекина».

Тем не менее председатель Еврокомиссии не использовала риторику идеологического противопоставления демократического и авторитарного блоков – концепцию, согласно которой, противостояние между странами происходит из их политических форм, а не экономического содержания. Европа, заявила фон дер Ляйен, должна стремиться не к «декаплингу», то есть разъединению с китайской экономикой, а к «дерискингу», то есть ограничению рисков. Это должно позволить скорректировать «разбалансированные» отношения, «всё больше страдающие от искажений, созданных китайским государственным капитализмом». Европейский союз должен также «произвести переоценку» Всеобъемлющего соглашения об инвестициях (CAI), заключённого с Китаем в 2020 году, ратификация которого была заблокирована Европарламентом.

Многие комментарии в прессе расценили как провальную попытку фон дер Ляйен и Макрона запустить сигнал европейского единства, организовав совместную встречу с Си Цзиньпином. Такая реакция СМИ вытекает не только из различий протокольного характера двух встреч, но и из контраста между выступлением председателя Еврокомиссии и интервью французского президента изданиям *Les Echos* и *Politico*, которое он дал на обратном пути. Ещё перед поездкой *Handelsblatt* предположила, что Макрон и фон дер Ляйен могли бы осуществить «разделение ролей» на «хорошего и плохого полицейского» (5 апреля). Может быть, было бы точнее сказать, что фон дер Ляйен пыталась представить европейский барицентр, учитывая и более атлантистские течения, чтобы у Макрона было больше свободы выражаться с позиций европейской автономии?

Тревожный звоночек
Макрона

В своём противоречивом интервью французский президент призвал укрепить европейскую стратегическую автономию, чтобы ЕС смог стать «третьим полюсом», избежать участи «вассала» и не оказаться в ловушке «кризисов, которые не будут» его касаться. «Хуже всего», – сказал Макрон, – было бы думать, что мы, европейцы, должны последовать этому примеру [по вопросу Тайваня] и приспособ-

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ДИРЕКТОРА ВМЕСТЕ С МАКРОНОМ В КИТАЕ

Современное государство есть «коллективный капиталист», утверждал Энгельс. В ходе своего визита в Китай глава французского государства наглядно продемонстрировал это. В поездке его сопровождали более пятидесяти предпринимателей. Помимо длинной франко-китайской совместной декларации, которая в 51-ом пункте расписывает различные договоры и сферы сотрудничества, во время или сразу же после поездки Макрона были заключены несколько соглашений.

Крупнейшая электроэнергетическая группа Франции EDF продлила сотрудничество с China Nuclear Power Group в атомной отрасли и подписала договор с China Energy Investment о морских ветровых электростанциях.

Suez выиграла контракт на проект опреснения морской воды.

Французский судовладелец CMA CGM заказал у китайских верфей CSSC 16 контейнеровозов на 3 млрд долларов.

Пятнадцать экспортёров свинины получили доступ к китайскому рынку.

L'Oréal договорилась о трёхлетнем партнёрстве с Alibaba по теме «устойчивое потребление».

Airbus, европейская группа со значительным французским компонентом, получила заказ на 160 самолётов (150 A320 NEO и 10 A350-900) и анонсировала создание новой линии сборки A320 NEO в Тяньцзине. Был подписан меморандум о взаимопонимании между Airbus и China National Aviation Fuel для сотрудничества в сфере устойчивого топлива. Более того, Airbus Helicopters получила заказ на 50 вертолётов H160.

биться к американскому ритму и чрезмерной реакции Китая» (*Les Echos*, 11 апреля).

Газеты и политики с более явно выраженной атлантистской ориентацией остро критиковали утверждение Макрона, в которых усмотрели защиту исключительно французских интересов или дистанцирование от США, атаку на трансатлантическое единство и определение европейской стратегической автономии, которая была бы на руку Китаю в деле разделения Европы и Штатов. Евроатлантистская печать, напротив, критиковала слишком раскольническую постановку Макроном вопроса, который в целом обоснован. Так, *Le Monde* оценивает, что «в балтийских странах, Польше, Чехии, а также в странах Северной Европы союз с США выглядит более стратегически важным, чем вопрос европейского суверенитета, покуда война снова свирепствует на границах ЕС». Своими словами Макрон «приоткрыл внутренние противоречия Евросоюза» (14 апреля).

Если во Франции как «Непокорённая Франция» (левая партия Жан-Люка Меланшона), так и Национальное объединение, поддержали заявления Макрона, то в Германии ряд парламентариев из числа христианских демократов, свободных демократов и «зелёных» их раскритиковал. Социал-демократы же выглядят разделёнными. Кто-то раскритиковал Макрона, однако председатель фракции СДПГ в Бундестаге Рольф Мютцених его поддержал. Мютцених принадлежит к левому крылу партии (*Parlamentarische Linke*), в которую входят 94 из 206 социал-демократических депутатов Бундестага. С другой стороны, консервативное течение в СДПГ (*Seeheimer Kreis*), к которому принадлежат 92 депутата, разделило с прессой позицию, противоположную «антикитайской» внешней политике. Подтверждая структурный атлантизм Германии, эта позиция уточняет, однако, что в случае конфликта вокруг Тайваня «ЕС должен выступить единым фронтом и координировать свои действия с трансатлантическими партнёрами».

Конвергенция в экономических
стратегиях

Помимо воображаемых или действительных различий в позиции по Ки-

таю существуют важные элементы, в которых проявляется конвергенция между Макроном и фон дер Ляйен. Немецкая христианская демократка предложила в своей брюссельской речи европейскую стратегию «ограничения рисков», содержание которой весьма похоже на «экономическую доктрину» французского президента, которую тот изложил в Гааге вскоре после своего возвращения из Китая. Если фон дер Ляйен представила свою стратегию в антикитайском русле, то Макрон преподал свою как политику, необходимую для защиты и примирения промышленности, климата и суверенитета в эпоху войны и «вепонизации» экономики, то есть её превращения в оружие.

Среди несущих конструкций их стратегий можно усмотреть «зелёную» промышленную политику, предложенную Комиссией в январе в форме Индустриального плана европейского зелёного курса, а также более внимательное использование для борьбы с экономическими перекосами инструментов ЕС, например, правил внешних субсидий (*Foreign Subsidies Regulation*) и Инструмента противодействия экономическому принуждению (*Anti-Coercion Instrument*).

Эти экономические стратегии не являются чисто антикитайскими, о чём свидетельствует декларация Маргрет Вестагер. Европейский инструмент противодействия субсидиям, нарушающим правила свободной торговли, начинает действовать 12 июля. Вице-президент Комиссии и комиссар по конкуренции Вестагер предупредила Вашингтон: этот инструмент может быть использован и против американских субсидий, предусмотренных «Inflation Reduction Act» (*Politico.eu*, 31 марта).

Европейский империализм, опирающийся на свой внутренний рынок, доказывает собственную способность обзавестись инструментами государственного капитализма: экономическое, торговое, нормативное и монетарное оружие теперь необходимо, чтобы быть на высоте в борьбе великих держав. Тем не менее недостаток централизации во внешней и оборонной политике, очевидно, преодолеть намного сложнее.

Путин ищет поддержки у Си Цзиньпина

После более чем года войны Москва отменяет разрыв с Западом и начинает искать поддержки у других, начиная с Пекина.

Принятая в марте новая внешнеполитическая доктрина фиксирует, по словам министра иностранных дел Сергея Лаврова, «меняющиеся геополитические реалии», которые «получили зримые ускорения с началом специальной военной операции», то есть вторжения России на Украину (*Sputnik*, 31.03.2023).

Доктрина «новой эры»

Среди задач, которым РФ «намерена уделять приоритетное внимание», указаны задачи по «устранению рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах» и «повышению международной роли» различных органов того, что в настоящий момент принято называть «не-запад»: от БРИКС до Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и РИК (Россия, Индия, Китай) – во всех этих форумах ведущую роль играет Пекин. Такова стратегическая переориентация России, но время покажет, насколько она окончательна и исключительна.

Вехой на этом вынужденном и не лишённом проблем пути можно считать мартовскую встречу Владимира Путина и Си Цзиньпина в Москве. По словам председателя КНР, «сейчас идут перемены, которых не было в течение ста лет. Когда мы вместе, то мы двигаем эти перемены». Российский коллега ответил: «Согласен».

Асимметричная встреча

Однако заявления о безграничной дружбе не могут скрыть асимметрии в отношениях держав. Пекин получил поддержку своих действий, направленных на «защиту китайского суверенитета» там, где речь идёт о Тайване. Москва приветствовала китайский документ из 12 пунктов по украинскому кризису, и первый пункт этого плана гласит, что «суверенитет, независимость и территориальная целостность любого государства должны быть гарантированы», а это не слишком совместимо с теми действиями, которые Москва совершает по отношению к Киеву. В прочтении старшего научного сотрудника Фонда Карнеги Александра Габуева формулировка Пекина направлена на опровержение обвинений в том, что он слишком открыто выступает на стороне России, с целью представить себя надёжным посредником (Фонд Карнеги, 24.02.2023).

Что касается экономических аспектов, то на встрече присутствовали представители крупных китайских компаний, заинтересованных в закреплении результатов, полученных в прошлом году в России: по этому поводу была подчеркнута и задача увеличения товарооборота, который в 2022 году вырос на целую треть (до 185 млрд долларов), и тот факт, что в 2023 году Китаю суждено стать первым торговым партнёром России с долей, превышающей 40%. Стоит отметить, что уже сейчас не менее половины этих расчётов происходит в национальных валютах: юанях и рублях. На встрече Путин заявил, что выступает за расширение использования юаня в мировой торговле, что является шагом на пути к желаемой им «дедолларизации».

С другой стороны, подписание документов по новому газопроводу «Сила Сибири – 2», имеющему решающее значение для экспорта российского газа, всё ещё не завершено, а экспорт на Запад сейчас практически заблокирован. Си не стал прямо брать на себя обязательства, но

вице-премьер России Александр Новак считает, что подписание может состояться в течение года наряду с заказами для задействованных компаний.

Прозвучало и важное признание отставания российской промышленности, которое вытекает из просьбы Москвы к Пекину об увеличении инвестиций: «Ясно, что нам нужно, чтобы китайцы не только ввозили свои товары, но и производили их на нашей территории, и на это тоже был сделан акцент в заявлении», – отмечает профессор Финансового университета Кирилл Бабаев (*РСМД*, 23.03.2023).

Параллельные прямые пересекаются

Эту асимметрию отношений прямо подчёркивают и некоторые комментаторы. Наиболее грубо 23 марта высказался француз Брюно Тертре, сотрудник *Fondation pour la Recherche Stratégique (FRS)* и советник по геополитике Института Монте-на: встреча Си и Путина больше напоминает «визит джентльмена к своему вассалу, чем встречу равных». Он также отмечает «некоторое взаимное недоверие», призывая при этом не питать иллюзий по поводу возможности отделения Москвы от Пекина: «Возвращение России в круг европейских стран больше не является реалистичным дипломатическим вариантом».

Из российских авторов наиболее структурированная оценка была озвучена главредом журнала «Россия в глобальной политике» и председателем президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) Фёдором Лукьяновым: 21 марта в своём журнале он опубликовал реконструкцию путей Китая и России после окончания ялтинского раздела – это были две различные дороги, которые тем не менее могут привести эти страны к общим выводам.

Между концом XX-го и началом XXI-го века Китай пережил «время беспрецедентного подъёма по всем параметрам», Россия же, напротив, – «период глубокого упадка и тяжёлого восстановления». В конце первого десятилетия нового века Москве «стали ясны ограничения»: как очевидного экономического характера, так и те, которые вызвала быстро усиливающаяся «геополитическая коллизия».

Таким образом, Китай и Россия вместе оказались в оппозиции мировому порядку, который для Москвы всё ещё несёт на себе отпечаток понесённого поражения, а для Пекина представляется тесным. Лукьянов делает вывод: «Наши страны, каждая по своим причинам, не укладываются в международную систему, которая была построена под эгидой Запада после холодной войны. Поэтому они выступают за её замену. А совместно менять сподручнее».

Его тезис перекликается с высказыванием экс-директора закрытого ныне Московского Центра Карнеги, а ныне сотрудника Сектора по нераспространению и ограничению вооружений Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Дмитрия Тренина, занимающего гораздо более интервентистские позиции. Он пишет в *Russia Today* (20.03.2023): «Россия и Китай полностью понимают, что они должны держаться вместе, чтобы противостоять Вашингтону, потому что, если один падёт, другой останется сам по себе».

Ранее (*Russia Today*, 24.02.2023) тот же Тренин вспоминал «киссинджерский треугольник» – стратегию бывшего государственного секретаря США, подразумевающую, что Америка должна иметь лучшие отношения с Россией и Китаем, чем эти два государства могли бы иметь друг с другом.

ЧЁРНАЯ АФРИКА

Выступая 20 марта на парламентской конференции «Россия – Африка в многополярном мире», прошедшей в Москве в рамках подготовки ко второму саммиту глав государств и правительств, который состоится в Санкт-Петербурге в июле, Владимир Путин подтвердил, что сотрудничество с африканскими государствами – «один из неизменных приоритетов российской внешней политики». Этот интерес выходит за пределы средиземноморской дуги, где выделяется присутствие России в ливийском кризисе, и нацелен на Чёрную Африку.

В период с января по февраль министр иностранных дел Сергей Лавров сначала посетил Южную Африку, Эсватини (бывший Свазиленд), Анголу и Эритрею, а затем Мали, Мавританию и Судан. На этом последнем этапе было подписано соглашение о создании военно-морской базы в Красном море.

По мнению декана факультета международных отношений МГИМО МИД России Андрея Сушенцова, в Африке Москва может воспользоваться тем, что «никакая внешняя держава не будет играть доминирующую роль», но эту перспективу омрачает сомнение: «Страны региона выжидают, кто всё-таки возьмёт верх в конфликте на Украине». То есть ждут, подтвердит ли его исход доминирование Запада или продемонстрирует эффективную многополярность благодаря той или иной форме успеха России («Валдай», 03.03.2023).

По мнению же Фёдора Лукьянова, высказанному в англоязычной версии его журнала, Москва ни в коем случае не может играть в Африке исключительную роль, в том числе и потому, что «российские ресурсы, которые нужно вкладывать в массовом порядке, несопоставимы с тем, что есть у Китая или западных государств» (*Russia in Global Affairs*, 06.03.2023).

С ним соглашается исследователь российской политики в Африке Вадим Зайцев: Россия по своим возможностям экономического проникновения несопоставима не только с Китаем или США, «но даже с Италией, Индией или Турцией». Так что же остаётся Москве? Прежде всего, речь может идти об «экспорте безопасности (в виде поставок оружия и военного присутствия) и технологий» (Фонд Карнеги, 14.02.2023). А здесь уже можно увидеть пространство для наёмников ЧВК «Вагнер».

Добавим, что это старая история. Ещё в статье 1969 года «Экспорт капиталов российского империализма в развивающиеся регионы» Арриго Черветто писал: «Низкая конкурентоспособность русского империализма заставила его попытаться развернуть свою конкуренцию в военной отрасли. Он не может ещё строить автомобильные заводы. Он внедряется со своим вооружением, как, например, в Индонезию или в Египет».

Теперь, как пишет Тренин, треугольник «направлен в другую сторону: у Вашингтона самые плохие отношения с двумя другими. Что же касается Москвы и Пекина, то в результате они становятся ещё ближе друг к другу».

Место Москвы

Эти эволюционирующие стратегические изменения вызывают в Москве размышления о роли и «весе» России в мире в целом и в сфере её влияния в частности.

С одной стороны, есть те, кто ценит «поворот на Восток». Среди них почётный председатель президиума СВОП Сергей Караганов. В новой ситуации, вызванной конфронтацией с Западом на Украине, он видит стимул для реализации «сибирской стратегии», то есть поворота России к «новым восточным горизонтам» и называет это «возвращением к себе» («Россия в глобальной политике», 07.03.2023). Это прочтение отсылает к евразийской составляющей российской политической культуры.

Однако есть и более тревожные оценки. Лукьянов задаётся вопросом: «Каким будет место России в мировой иерархии после СВО?». Его суждение пессимистично: война «пошла не по предполагавшимся сценариям, скорректировала оценку мощи и способностей России в сторону понижения. Напряжение, с которым Россия решает поставленные перед собой самой военной-политические задачи, приводит внешних наблюдателей к выводу об ограниченности её возможностей. Необходимо концентрировать все ресурсы на одном направлении деятельности – сильно сковывает Москву на всех остальных» («Профиль», 23.02.2023).

Пределы власти

Тимофей Бордачёв из дискуссионного клуба «Валдай» призывает уделять больше внимания ближнему зарубежью, в частности, «южному поясу». Учитывая, что «Россия в ближайшие пару десятилетий будет иметь дело с опасным и нестабильным положением, постоянно несущим в себе

военную угрозу», Москве придётся предпринять попытку избежать кризисов на другой «периферии». Он считает, что «вряд ли» кто-то в Вашингтоне или Лондоне стремится превратить Казахстан или Армению во «вторую Украину», но «сценарий «второго Афганистана» выглядит весьма реализуемым». Речь идёт о государственном кризисе, который могли бы организовать те, кто желает поставить в неловкое положение не только Москву, но также Пекин и Тегеран. Как наиболее подверженный риску государства рассматриваются Казахстан и Киргизия, поэтому «стабильный фронт» грозит стать очередной военной заботой Москвы уже в перспективе десяти-пятнадцати лет» («Россия в глобальной политике», 28.03.2023).

Таким образом, Бордачёв предлагает заняться этой областью и считает, что «[военные] гарантии безопасности должны подкрепляться более энергичным политическим диалогом», вплоть до того, что должны сопровождаться «лёгким вмешательством в дела соседей». Всё это призвано не допустить, чтобы «у кого-то создавалось впечатление, что [...] Москве безразличны» дела в её исторической сфере влияния. Это перекликается с критикой отсутствия или ограниченности вмешательства в кризисы, разразившиеся в 2022 году на Кавказе и в Центральной Азии.

Таким образом, выступления некоторых аналитиков демонстрируют наличие дискуссии об ограниченности силы Москвы, и это размышления, которые, несомненно, были вызваны войной. Но, похоже, идти дальше они сейчас не готовы, в том числе и потому, что, как признаёт сам Бордачёв, пока длится конфликт, каждый «учёный становится солдатом своей страны, а пространство сравнительно беспристрастного анализа исчезает» («Валдай», 08.03.2023). И не только в России.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 332.

Авантюры “русского мира”

Зомби-идеологии эпохи слобализации

Весной 2004 года в “Новой газете” вышла аналитическая записка с пафосным названием “Крепость Россия. Концепция для президента”. Её автором был не самый политически влиятельный экс-вице-спикер Госдумы (1995–1999) от фракции “Яблоко” Михаил Юрьев, а тезисы были крайне откровенны и представляли собой целую систему. Тогда она казалась эпатажной, но сегодня, спустя почти 20 лет, заслуживает самого серьёзного и подробного рассмотрения.

Проследим за её канвой: 1) экономическое отставание России от Запада и Китая столь велико, что «преодолеть его даже за несколько десятилетий можно, только имея постоянные сверхвысокие темпы роста»; 2) в “открытой” экономике это «принципиально невозможно»; 3) если Россия не преодолеет это отставание, то её «ликвидируют как независимую страну и отдельную цивилизацию»; 4) так как «в сложившемся мировом порядке воспользоваться [...] сладкими плодами экономики открытой [России] никто не даст», ей надо «переходить к закрытой экономике»; 5) такая модель может обеспечить нужные темпы роста, одним из основных драйверов роста станет «огромный неудовлетворённый внутренний спрос, возникающий при политике импортозамещения»; 6) чтобы выстоять в «противостоянии с Западом», нужна «смена идеологии». Внешняя же политика, «кроме как в отношении небольшого количества дружественных стран, должна базироваться на [...] неполной изоляции от окружающего мира, в том числе на полном отказе от участия в многосторонних международных отношениях. Двусторонние отношения должны перейти на [...] прагматическую основу с [...] отказом от общечеловеческих ценностей, [...] от всего, кроме своих интересов».

Осенью того же года в статье в “Комсомольской правде” Юрьев дополнил эту конструкцию концепцией “внутреннего врага” и даже выделил некоторые признаки, по которым, как он считал, можно его идентифицировать.

И вот совсем недавно, 30 марта, уважаемый журнал международников “Россия в глобальной политике” опубликовал статью Сергея Глазьева, давнего идейного соратника Юрьева, вещающего о том, что старый порядок «рухнет наоборот, как и долларова финансовая система». Показательно, что Глазьев, который стабильно предсказывает крах доллара ещё с середины 2000-х годов, в последний раз в “России в глобальной политике” публиковался почти десятилетие назад.

19 апреля в этом же журнале было опубликовано интервью старшего научного сотрудника РУДН им. П. Лумумбы Андрея Парибока, в котором он заявил: «Я хотел бы, чтобы мы отпечковывались [от большой западной семьи]. Когда я сталкиваюсь с утверждением о самобытности цивилизации, я вспоминаю [...] Михаила Юрьева».

Если раньше подобные теории были уделом интеллектуальных маргиналов, то сегодня они получают самые высокие трибуны и звучат всё громче. Очевидно, что они востребованы российским правящим классом.

Эпоха слобализации

Как и наш учитель Карл Маркс, мы «выводим [...] развитие идеологических образований» из «действительного жизненного процесса»¹ людей, поэтому взглянем на количественные экономические показатели, связанные с процессом интеграции мирового рынка.

Так, KOF Globalisation Index, используемый Евростатом и учитывающий в числе прочего фактические торговые потоки и потоки прямых иностранных и портфельных инвестиций, а также количество ограничений на торговлю и движение капитала, свидетельствует, что процесс

международной экономической – и не только – интеграции постепенно замедляется: в 1990–2007 годах индекс быстро рос, но мировой финансовый кризис и последовавшая за ним “Великая рецессия” сильно замедлили эту тенденцию: «Экономическая глобализация практически не продвинулась вперёд после финансового кризиса 2007 года». Начиная же с 2018 года наметился тренд на снижение индекса.

Примерно с середины 2010-х годов даже начал циркулировать термин “слоубализация” (от slow – “медленно” и globalization – “глобализация”). Впервые этот термин употребил в 2015 году голландский футуролог Аджидж Бакас, в 2019-м он был популяризирован *The Economist* в статье “Глобализация потерпела крах”, а в начале 2020 года его использовала в своём экономическом прогнозе одна из крупнейших аудиторских компаний мира PricewaterhouseCoopers.

Что касается России после краха СССР, то в целом она следовала мировым трендам, но с гораздо большими колебаниями. Взрывной рост индекса произошёл в период с 1992 по 1999 год, когда было достигнуто максимальное значение, в дальнейшем динамика в среднем стабилизировалась, а отдельные крупные скачки в сторону повышения не давали кривой опускаться значительно ниже максимума, и степень глобализации экономики России оставалась достаточно высокой по мировым меркам, но в 2016-м году – с небольшим опережением общемировой тенденции – наметился более или менее плавный спад (см. график), который, по-видимому, будет лишь усугубляться.

Научный анализ и искажённое отражение

В середине 2000-х годов в статьях “Российский империализм в погоне за поездом” (февраль 2006) и “Предвестники новой бури” (ноябрь 2006) мы констатировали возвращение России в “высшую лигу” империализма, формальным признанием чего стала встреча Большой восьмёрки в Санкт-Петербурге в июле 2006 года. Соответственно, и в высших слоях правящего класса преобладали идеологии “открытости”. Это была совершенно недвусмысленная генеральная линия правящего класса, которую поддерживал и выражал непосредственно его руководитель – президент Владимир Путин. Но неумолимое экономическое развитие перевернуло и его риторику.

Именно тогда, в частности, Россия и ЕС подписывали протокол о завершении переговоров по присоединению РФ к ВТО, и было очевидно, что экзотические программы идеологов типа Юрьева не интересовали правящий класс и оставались маргинальными как полностью искажённое отражение. Но, как писал профессор Университета Эразма Роттердамского Петер ван Бергейк в своей книге “Deglobalization 2.0” (2019), глобализация и деглобализация – повторяющиеся стадии развития мирового рынка, причём силы, которые в конечном итоге ограничивают интернационализацию и могут повернуть её вспять, возникают в недрах самого процесса ускоренной глобализации. На уровне надстройки это приводит к тому, что десятилетиями лежавшие без дела идеологические полуфабрикаты имеют все шансы прийти к двору набирающим силу фракциям, сопровождающим объективную экономическую тенденцию замедления глобализации, которая сегодня дополнительно подпитывается вынужденным декаплингом России от старых держав после начала украинской войны.

“Уникальные условия” в России

В стороне не остаются даже солидные академические круги. Институт народ-

Измерить глобализацию

В 2002 году с целью усовершенствовать количественную оценку степени глобализации экономических, социальных и политических процессов в отдельных странах и мире в целом специалисты Швейцарского экономического института (KOF) при Швейцарской высшей технической школе Цюриха создали KOF Globalisation Index.

Методология его расчёта в общих чертах была изложена руководителем проекта Акселем Дреером и учитывала предыдущий опыт построения подобных показателей, но с того времени она сильно эволюционировала, и сегодня, к примеру, оценка индекса производится по 42 переменным. Является самым детализированным и проработанным из всех существующих индексов глобализации. На данный момент KOF Globalisation Index охватывает период с 1970 по 2020 год и почти все страны мира (для России индекс экономической глобализации оценивается с 1990 года).

нохозяйственного прогнозирования РАН опубликовал статью “Стратегия экономического развития России – 2035: пути преодоления долгосрочной стагнации”. Она примечательна, конечно, не утверждением, что в течение ближайших 10–15 лет «темпы роста экономики [РФ] могут закрепиться на крайне низком уровне – около 1 % в год» – мы уже более десятилетия говорим о низком потенциале роста отечественной экономики, – а критикой одного из ярких проявлений российской финансовой глобализации в лице политики ЦБ и Минфина и, прежде всего, тем же самым рецептом лечения этих проблем, который уже давно предлагали различные Глазьевы: «В России [...] уникальные условия для экономического рывка, которые включают [...] высвобождающиеся первичные ресурсы, которые раньше экспортировались, и которые теперь могут обеспечить рост внутреннего рынка, обладающего существенным потенциалом».

Мы же оцениваем эту перспективу скептически. В своё время Арриго Черветто, следуя в русле мыслей Маркса из “Речи о свободе торговли”, указывал: «протекционистский процесс [...] означает определённый упадок метрополии»².

Конечно, гипотетически автаркическая попытка возможна, но, как всегда, в условиях всемирного империалистического противостояния весь вопрос состоит не в самой этой возможности, а в темпах, которые определяют конкурентоспособность держав. И мы сильно сомневаемся в способности российского империализма их обеспечить. А раз так, то идеологам правящего класса остаётся выдавать нужду за добродетель и распространять уже давно умершие, но раз за разом оживляемые идеологии “деглобализации”, “автаркии” или даже “более справедливого” мирового порядка, где всё более теряющая вес Россия сможет занять “достойное” место одного из многих центров силы.

Но даже не это главное. Теоретическое наследие нашей школы подталкивает нас к гораздо более мрачным выводам, к которым приходили революционеры XX века.

Внутри исторического кошмара

В аннотации к книге экономического историка Гарольда Джеймса “The End of Globalization” (2001) её издатель – Гарвардский университет – называет всплеск деглобализации 20-х – 30-х го-

дов одним из «величайших исторических кошмаров двадцатого века».

Николай Бухарин, много и плодотворно занимавшийся анализом империализма и мирового рынка, 3 апреля 1936 году, в самый разгар этого “кошмара” и незадолго до того, как он был арестован сталинистами – одним из течений той деглобализации, – выступил в Париже с докладом “Основные проблемы современной культуры”, где заявил: «Не трудно понять, в чём кризис капитализма проявляется или как он выражается в кризисе идеологических построений. [...] преклонение перед мировым рынком превращается в пропаганду нового меркантилизма и хозяйственной автаркии; “свободная игра экономических сил” и формула “laissez faire” грубо заменены лозунгом государственной регламентации; экономический индивидуализм, апология частной инициативы уступают место восхвалению власти, содействующей монополизации и националистическому этатизму»³, – а далее сделал замечание, которое может многим – в том числе и нынешним “экспертам”, грезящим о том, что нынешнее замедление глобализации приведёт к новому, “более справедливому” мировому порядку – показаться неожиданным, но которое является совершенно последовательным в рамках ленинистской модели империализма: «Автаркия означает [...] не “самоизоляцию”, а усиленную организацию военной и экономической мощи в целях экспансии»⁴.

Позднее эту мысль развил Черветто: «Всеобщие протекционистские меры и попытки бороться с конкуренцией, увеличивая [...] барьеры, неизбежно должны привести к столкновению защищаемых, автаркических экономик, ориентированных на увеличение внутреннего потребления, в частности военного», – сделав чеканный вывод: «Военный исход становится неизбежным»⁵.

Апрель 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 25.

2 – Черветто А. Унитарный империализм. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 635.

3 – Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Изд. 2-е. М.: АИРО-XXI, 2008. С. 247–248.

4 – Там же. С. 250.

5 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 10.

Российские хроники

Цветные революции и суверенная демократия

«Использование Соединёнными Штатами Америки в своей внешней политике таких инструментов, как поддержка так называемых цветных революций, поддержка в этой связи госпереворота в Киеве в 2014 году» привело «к сегодняшнему украинскому кризису», – отметил Владимир Путин 5 апреля в ходе церемонии вручения верительных грамот иностранными послам («Известия», 5.04.2023).

С точки зрения российского правящего класса, «цветные революции», начало которым дала так называемая Бульдозерная революция 2000 года в Югославии, завершившаяся низложением Слободана Милошевича с поста президента СРЮ, являются не чем иным, как проектами по свержению легитимной власти, организованными США и Великобританией или при их значительной поддержке. После Югославии «революции» произошли на пространстве бывшего СССР: в Грузии (2003), в Украине (2004), в Киргизии (2005). В Кремле это было воспринято как проникновение «западного вора» в собственный огород. Активизация внутренней оппозиции ещё более усилила ощущение тревоги и заставила задуматься об ответных мерах¹.

Шовинистический набат

Наиболее остро это беспокойство звучало со стороны национал-патриотического лагеря.

Весной 2004 года в «Новой газете» вышла аналитическая записка «Крепость Россия. Концепция для президента»². В сентябрьско-октябрьском номере журнала «Россия в глобальной политике» за тот же год появляется статья заместителя Председателя Комитета по экономической политике Государственной Думы Михаила Делягина «От глобальных противоречий – к региональным конфликтам», в которой он, в частности, указывал: «Слабость России на международной арене [...] способствует повышению значимости региональных конфликтов. Ведь давление глобальной конкуренции является «великой постоянной» современного исторического развития, и государства, недостаточно сильные, чтобы участвовать в глобальных процессах, сталкиваются с этой конкуренцией на более низком, региональном, уровне. Кто не хочет защищать свои интересы на дальних рубежах, будет вынужден защищать их на ближних подступах». В той же статье автор писал, что в текущих условиях «выбор между интересами граждан России, с одной стороны, и Запада – с другой, одновременно будет являться и выбором между двумя группировками внутри российской элиты – западниками-либералами и силовиками».

В том же 2004 году публикуется сборник материалов заседаний экспертного совета комитета Совета Федерации РФ по международным делам «Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение», составителями которого были заместители председателя этого самого совета Сергей Кортунов и Владимир Соловьёв. Кортунов констатировал: «Наша внешняя политика на направлении СНГ за все эти годы потерпела сокрушительное поражение. [...] Россия в тех границах и с той идеологией, которая у неё есть на данный момент, не может быть маяком для бывших советских республик, не может быть центром притяжения». Ему вторил Соловьёв: «Можно с полным основанием назвать политику МИДа политикой «хвостизма»,

когда нас, по сути, вынуждают к той или иной реакции на события, уже произошедшие на международной арене».

Оптимизм глобализации

В 2005 году выходит сборник статей «Крепость Россия. Прощание с либерализмом», авторы которого, с одной стороны, рассуждали о том, что страна является осаждённой крепостью, а с другой – призывали к изоляционизму как средству взращивания и укрепления национального капитала. Это была крайне миноритарная точка зрения.

Неудивительно: в условиях высоких темпов роста ВВП (в 2003 году они составляли 7,3 %, в 2004-м – 7,2 %), наддуваемых растущими как на дрожжах ценами на нефть, идеи «величия России» выделялись не в мрачных тонах изоляционизма и автаркии, а через призму использования богатых сырьевых ресурсов для конкуренции на мировом рынке. В статье «Соблазн особого пути», опубликованной в июльско-сентябрьском номере журнала «Россия в глобальной политике» за 2003 год, внук сталинского наркома В. М. Молотова, нынешний председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов писал: «[...] нарастает идеология исторического оптимизма, что является резким контрастом с 1990-ми годами, когда доминировали чувства национальной униженности, обречённости, отступления, синдром потерянной Родины. Идеи национального возрождения, подъёма российского духа становятся «хитом» предвыборного сезона».

Так, 15 января 2003 года популярные публицисты Михаил Леонтьев и Максим Соколов, руководители журнала «Эксперт» Александр Привалов и Валерий Фадеев, кинорежиссёры Алексей Балабанов и Сергей Сельянов, создавшие, среди прочего, популярные в патриотической среде фильмы «Брат», «Брат-2» и «Война», к которым чуть позже примкнули заместитель председателя ВГТРК Андрей Быстрицкий и Константин Ремчуков, тогда депутат Думы от Союза правых сил, подписали основополагающий меморандум «Серафимовского клуба», в котором предлагали российскому империализму встать на путь ускоренного роста экономики посредством приложения государственной воли. Фактически это был призыв к повторению пути восточноазиатских «тигров»: «Если в России и есть причина, которая не позволит ей быстро развиваться, то только одна: безответственная и пораженчески настроенная элита, которая боится ставить перед собой и страной серьёзные цели. [...] То, что на духовно-метафизическом языке называется воскрешением России, на языке вещно-политическом называется модернизацией, мощным экономическим ростом».

Итак, выделялись различные варианты развития, но все они были связаны с мировым рынком. Никонов писал: «[...] спектр альтернатив развития действительно многоцветен – от авторитаризма, мобилизационной экономики и самоизоляции до образцовой демократии, полной интеграции в мировое экономическое пространство и стремительного подъёма на основе крупного международного капитала. Однако крайние варианты [авторитаризм и автаркия] вряд ли мыслимы в стране, собирающейся оставаться в клубе великих держав». Он же излагал и мейнстримное на тот момент мнение российского правящего класса: «Более высокие темпы роста достигимы только при условии прихода в Россию

капитала крупнейших международных финансовых групп».

Империалистическая демократия по-русски

Поскольку на Западе «цветные революции» рассматривались через призму процесса демократизации, то и ответ России находился в той же плоскости – была сформулирована идеологическая доктрина «суверенной демократии». Суть концепции 28 июня 2006 года на брифинге в Москве изложил её автор – заместитель руководителя Администрации президента России Владислав Сурков: «Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, а не управляться извне». Таким образом, речь шла в первую очередь о борьбе за суверенитет России на международной арене.

Борьба между державами в империалистическом мире, как подчёркивал Ленин, происходит «по силе», то есть «по капиталу»³. Именно на укрепление силы российского империализма была направлена концепция Суркова, а построение управляемой демократии, названной нами полупартийной политической системой, в основе которой лежало разделение оппозиции на системную и несистемную, являлось лишь подчинённым аспектом.

В цитировавшейся ранее статье В. Никонов указывал на то, что «доминирование одной партии не является исключением», свойственным лишь России, напоминая о десятилетиях пребывания одной партии у власти в Германии, Италии и Японии, что «обеспечивало консолидацию элиты и преемственность демократических реформ». Он же делал любопытный прогноз о развитии российской политической системы: «Шансы внесистемных сил выглядят проблематичными и из-за всё большей предсказуемости парламентских выборов, которые в растущей степени станут работой крупных корпоративных структур и их региональных отделений, рассматривающих избирательные кампании как бизнес-проекты или инвестиции. [...] При этом столкновение кланов позволит не только выжить, но и укрепиться в свободе слова, количестве игроков на медиаполе, негосударственных газет, журналов, радио- и телеканалов будет увеличиваться хотя бы в силу роста финансовых возможностей заинтересованных в их благополучии политико-экономических групп. Кремль сочтёт достаточным сохранить контроль лишь над несколькими ключевыми медиаресурсами – ведущими телевизионными и радиоканалами». Прогноз реализовался лишь отчасти: сегодня Кремль напрямую или через связанные с ним частные и государственные корпорации контролирует практически всё российское медийное поле, что стало результатом централизации капитала.

В любом случае, как мы писали, единственное научное объяснение специфики российской политической системы может быть дано лишь в рамках марксистской концепции несовременного плюрализма⁴ или же «вариаций и градаций»⁵ империалистической демократии – «наилучшей оболочки»⁶ господства капитала⁷.

Экономическое содержание политической оболочки

11 июля 2006 года в Москве состоялся форум «Экономика суверенной демократии», там Сурков зачитал отрывок из речи Че Гевары, произнесённой на Кубе в 1960 году, в которой тот призывал обеспечить независимость государства от «мировых нефтяных, оловянных и кофейных монополий». Заигрывание с глобальным Югом и использование идеологий борьбы

с неокOLONIALИЗМОМ уже тогда было в арсенале российского империализма.

20 ноября того же года в экономическом журнале российской буржуазии «Эксперт» была опубликована статья Суркова «Национализация будущего», в которой автор отмечал, что исторически рост влияния Москвы на международной арене реализовывался именно за счёт усиления нажима государства на общество и насильственного выкачивания из него ресурсов. Таким образом, в экономическом смысле концепция «суверенной демократии» представляла собой доктрину догоняющего развития, опирающуюся на национальный капитал и нелиберальные модернизационные традиции России. При этом следует подчеркнуть, что Сурков понимал «суверенную демократию» как способ эффективного встраивания в процесс глобализации, где Россия как государство будет «субъектом, а не объектом глобализации»⁸.

Выбор в пользу встраивания в глобализацию был на тот момент общим для правящей фракции российского империализма. Так, в уже цитированной статье В. Никонов писал: «Интегрируясь в мировую систему, Россия станет постоянно испытывать соблазн идти своим путём. Этот соблазн будет подкрепляться обидами политической элиты на недостаточный учёт российских интересов основными мировыми игроками; целенаправленными усилиями могущественных внутренних кланов, не заинтересованных в открытости страны и её экономики, а потому разыгрывающих карту самобытности. В условиях глобализации самоизоляция возможна только ценой [...] отставания и выпадения из мировой системы. А значит – и из истории».

Военное продолжение империалистической политики

В начале 2004 года, анализируя тенденции в экономике и политике России, мы предполагали неизбежное нарастание хищных интересов отечественного капитала, формирования на их основе новых вариантов шовинистической идеологии⁹. 13 июля 2006 года министр обороны Сергей Иванов, рассматривавшийся тогда в качестве возможного преемника президента Владимира Путина, выступил с программной статьёй в газете «Известия», заявив, что общество должно сплотиться вокруг «новой триады» национальных ценностей: суверенной демократии, сильной экономики и военной мощи. Так у концепции появился третий неотъемлемый элемент – военная мощь, без которой невозможен суверенитет государства.

Ведя борьбу за внутреннее единство и централизуя экономические ресурсы, российский империализм оснащал себя инструментарием для мирового противостояния.

Май 2023 г

1 – См. Горячая осень российского империализма // Бюллетень «Интернационалист». 2003. Ноябрь. № 24.

2 – См. статью на предыдущей странице.

3 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 372.

4 – См. Буржуазная Дума и пролетарский абсентеизм // Пролетарский интернационализм. 2021. Октябрь. № 86.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 354.

6 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 33. С. 14.

7 – См. «Суверенная демократия» тестируется в Москве // Бюллетень «Интернационалист». 2010. Ноябрь. № 108.

8 – Сурков В. Национализация будущего // Эксперт. 2006. 20 ноября. № 43 (537).

9 – См. Зарисовки на тему российской экономики // Бюллетень «Интернационалист». 2004. Январь. № 26.

“Двадцатилетняя война” и пекинское соглашение по Персидскому заливу

По мнению специалистки по Среднему Востоку из лондонского Международного института стратегических исследований Кэвил Лонс, пекинские соглашения от 10 марта между Саудовской Аравией и Ираном следует рассматривать как желание саудитов «*послать сообщение Вашингтону*», и неслучайно, что подписание документов состоялось всего за несколько дней до двадцатой годовщины начала войны в Ираке в 2003 году. Соглашения – это «*поиск страховки*» на случай, если США более не предоставят «*достаточных гарантий*» Эр-Рияду. Тегеран, со своей стороны, ещё не оставил надежду вернуть США и другие державы за стол переговоров по ядерному досье.

Согласно мнению японской *Nikkei*, китайский дипломатический удар указывает на «*упадок западного влияния в одном из наиболее нестабильных регионов мира*», тогда как Пекин придерживается «*стратегического и последовательного подхода*» к региону, в отличие от испытывающей колебания Америки. Чтобы избежать «*худшего стратегического сценария*», а именно «*конкуренции с Китаем за умиротворение Среднего Востока*», партнёры США, такие как ЕС и Япония, могут оказаться вынуждены «*помогать заполнять вакуум*» лидерства, оставленный американцами.

Тревожный звонок из Токио и китайская стратегическая последовательность свидетельствуют, что гарантия безопасности для энергетической артерии Персидского залива является вопросом первостепенного интереса для азиатских держав. В комментарии *Kotras*, наиболее читаемого индонезийского издания, договора о нормализации дипломатических отношений между двумя соперничающими державами Персидского залива называют «*новой геополитической главой*» и «*исторической вехой*», которая может способствовать ослаблению региональной напряжённости. Если учесть, что Индонезия – крупнейшая мусульманская страна в мире, но со множеством этноконфессиональных меньшинств, то вероятно, что на оценку оказывают влияние религиозные отношения с Эр-Риядом и Тегераном.

Последствия для региона

По словам корреспондента *Le Figaro* по Среднему Востоку Жоржа Мальбрюно, «*секретные положения*» пекинского договора предполагают взаимные шаги по сокращению поддержки собственных прокси-партнёров. С одной стороны, речь идёт об ограничении поддержки присутствующей в Ираке Организации моджахедов иранского народа и суннитских группировок в иранском Белуджистане, активно действовавших во время социальных протестов против режима в Тегеране, а с другой – о сокращении военных поставок хуситам-шиитам в Йемене и давлении на иракских ополченцев, чтобы те отказались от атак против нефтяной инфраструктуры саудитов, вроде тех, что были в 2019 году.

В Йемене, пожалуй, Эр-Рияд будет искать политическое решение для заморозки военного кризиса. По мнению *Le Monde*, монархия фактически признала победу хуситов и теперь ищет способ выпутаться из начавшегося в 2015 году конфликта, «*сохранив лицо*». На взгляд ряда обозревателей, Йемен может стать «*жертвенным бараном*» в уплату сбли-

жения саудитов и иранцев и оказаться де-факто разделённым на три части: север будет под контролем хуситов, а юго-запад – поделён на сферы влияния Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов. Как пишет полуофициальный печатный орган королевства *Asharq al-Awsat*, именно динамика йеменского вопроса станет мерой успеха соглашений.

По мнению многих французских дипломатов, крупными бенефициарами станут режим Башара Асада в Дамаске, Саудовская Аравия и ОАЭ, а также Египет, Тунис и Турция, которые работают над нормализацией дипломатических отношений – эта операция встречает весомую поддержку Москвы. В Бейруте пекинские соглашения могли бы открыть выход из политического тупика, который не даёт состояться выборам нового президента. Меньше внимания к себе привлекло – хотя является значительным событием – восстановление контактов между Турцией и Египтом на уровне министров иностранных дел 18 марта: турки признали интересы египтян в Киренаике, а египтяне – интересы турок в Восточном Средиземноморье.

“Саудовский приоритет” принца Салмана

Большинство аналитиков рассматривает соглашение в Персидском заливе как перекалибровку внешней политики кронпринца Мохаммеда ибн Салмана. В 2015 году, когда начиналась интервенция в Йемен, принц оформил “доктрину Салмана”, цель которой состояла в завоевании военного превосходства Саудовской Аравии в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Предполагалось сдерживать распространение иранского влияния, в том числе через преследование ядерного статуса, чтобы уравновесить Тегеран, «*потенциальную ядерную державу*». “Доктрина Салмана” содержала в себе также намерение увеличить «*стратегическую автономию*» от Вашингтона, традиционного гаранта безопасности для Эр-Рияда. Третьим элементом было так называемое “Видение – 2030” – программа модернизации страны с целью ответить на энергетический переход (см. “*Большой Средний Восток*”, СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2017).

Как пишет *Le Monde*, для успеха «*модернизации сверху*» готовящемуся стать королём Салману нужна относительная стабильность в ближнем зарубежье, которая сделает его страну привлекательной для иностранных инвестиций и туризма. Принц надеется возвести Саудовскую Аравию в десятку крупнейших экономик мира. Йеменская авантюра оказалась болотом для Эр-Рияда, который сегодня желает в первую очередь безопасности собственных границ, а они оказались уязвимыми для ракетной герильи хуситов, организованной по образу и подобию действий Хезболлы против Израиля. Так или иначе, королевство продолжает поиск стратегической автономии через многовекторность: сближается с Москвой и Пекином, подобно Ирану с ШОС; придерживается активного нейтралитета в украинском конфликте; утверждает «*саудовское первенство*» в определении квот на производство нефти в рамках ОПЕК+, где присутствует также и Россия, и при этом не отказывается от военной

связи с Вашингтоном, хотя уже давно ведёт переговоры о покупке ракет средней дальности у Китая – это традиционный подход, восходящий к 80-м годам и ирано-иракской войне.

Согласно одному тезису *Foreign Affairs*, Эр-Рияд стремится к отношениям «*близким, но в то же время независимым, с США, Китаем и Россией*» и считает, что может «*играть центральную роль балансира между Египтом, Ираном и Турцией, с которыми он восстанавливает отношения с целью защитить и консолидировать собственное региональное влияние*». По мнению многих источников, разрядка в отношениях с Тегераном не исключает и возможную нормализацию с Израилем. Последний же, как считает Мальбрюно, на данный момент выглядит «*главным проигравшим*» пекинских соглашений.

Стратегическая неожиданность для Тель-Авива

Согласно источникам, близким к Моссаду (израильской внешней разведке), встречи в Пекине между саудовским и иранским министрами обороны и их ведомствами «*прошли незамеченными всеми израильскими новостными агентствами*». СМИ и аналитики рассматривают соглашение как серьёзный провал Биньямина Нетаньяху, который сталкивается с трудным внутренним политико-институциональным кризисом.

Озвученное Тель-Авивом в 2021 году намерение превратить “Соглашения Авраама” – договор о нормализации дипломатических отношений с ОАЭ, к которому затем присоединились Марокко, Иордания и Египет – в «*арабскую НАТО*» против Ирана ещё тогда было расценено Египтом и Эмиратами как «*преждевременное*». Кстати говоря, Каир и Анкара тоже являются партнёрами стран ШОС по диалогу. Дипломатическая нормализация с Эр-Риядом была бы важной для Израиля с точки зрения не только её антииранской ценности, но и палестинского вопроса и вопроса Восточного Иерусалима. Как пишет Институт исследований национальной безопасности (INSS), мозговой центр близкий к израильской военной разведке Апан, пекинские соглашения как стремление Пекина вести с Москвой дискуссии о «*безопасности в Персидском заливе*» являются лакмусовой бумажкой роста китайской дипломатической деятельности. В условиях нынешней международной ситуации и «*тенденции к разрядке*» в регионе Тель-Авив должен избегать шагов, которые могли бы вызвать эскалацию региональной напряжённости, в том числе по палестинскому вопросу, чтобы не оказаться в дипломатической изоляции.

Издания *Haaretz* и *Jerusalem Post* считают, что зависимость от союзника в лице Штатов, пусть и остаётся необходимой, в условиях китайско-американского соперничества обуславливает отношения между Израилем и Драконом.

Израильская поляризация

Свою роль играет и внутривнутриполитическая поляризация: в марте прошли массовые протесты против предложенного правительством проекта реформы судебной системы. Исполнительная власть оказалась заложницей национал-религиозных партий – малых партнёров по коалиции, которая располагает 64 из 120 мест в Кнессете. Столкновение вокруг реформы задело и партию Нетаньяху “Ликуд”, вызвав

критику в военном аппарате и аппарате безопасности. Также оно привело к конфликту с судебной властью: по итогам реформы правительство смогло бы преодолевать судебные решения, тем самым ограничивая юридическую защиту арабского компонента израильского населения и предоставляя преимущественно “партии поселенцев”. Вдобавок военный аппарат и аппарат безопасности противятся созданию “национальной гвардии” – полувоенной силы под контролем Министерства безопасности, а не полиции.

Как пишет *Le Monde*, фронда анти-Нетаньяху представлена «*частью светской элиты*» Израиля, «*преимущественно ашкеназской*», то есть родом из Восточной Европы, которая считает «*отталкивающей*» коалицию с опорой на «*ультранационалистические и религиозные партии*», сформировавшуюся после выборов в ноябре. Её провокации на Храмовой горе питают палестинский активизм и противоречия с арабским меньшинством.

Результат “двадцатилетней войны”

Запуск ХАМАСом порядка 40 ракет с территории Южного Ливана, контролируемого Хезболлой, и ограниченный ответ со стороны Израиля были интерпретированы саудовскими источниками как «*закодированный сигнал*» ливанской партии-милиции: она напомнила Тель-Авиву собственные “красные линии”, то есть потенциал сдерживания, в контексте пекинских соглашений, подписанных её спонсором Ираном. Часто средневосточная политическая логика является скорее эклектичной, а не прямолинейной; по мнению *Le Monde*, решение Хезболлы «*позволить ХАМАСу действовать*» является косвенным предупреждением о возможности увеличить или, наоборот, понизить градус противостояния в ответ на действия Израиля.

Если дефиле Пекина в Персидском заливе представляет собой «*крупный шаг*», наряду с китайской политикой «*двойной опоры*» подрывающий доктрину Картера (см. “*Тирпиц и Каутский в Пекине*” в этом номере газеты), в региональном плане разрядка между Эр-Риядом и Тегераном, вероятно, знаменует собой переходный момент в рамках процесса, который можно определить как *двадцатилетняя война*. Открывшись в 2003 году вместе с американским вторжением в Ирак, она глубоко изменила региональную структуру и обострило традиционное соперничество держав с двух противоположных берегов Персидского залива. Крах режима суннитского меньшинства Саддама Хусейна в Ираке, а затем колебания политики Вашингтона с 2011 года, с точки зрения нефтяных монархий, особенно саудовской, питали экзистенциальные угрозы, в частности, экспансию иранского влияния вплоть до бассейна Средиземного моря, державное восхождение Турции, которая недавно спустила на воду свой первый лёгкий авианосец “Anadolu”, и активизм богатых Эмиратов.

Кантонизация четырёх государств региона (Ирака, Ливии, Сирии и Йемена), от одного до двух миллионов смертей и несколько десятков миллионов беженцев и внутренне перемещённых лиц – таков итог двадцатилетия 2003–2023 годов.

Рецензии

Сомнамбулы

Christopher Clark, *"The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914"*, Penguin, 2013.

Кристофер Кларк – родившийся в Австралии историк и преподаватель Кембриджского университета. В возрасте 25 лет отправился обучаться в Берлин, где стал специалистом по Пруссии, которая достигла своего пика, а затем рухнула одновременно с немецким единством под знамёнами Второго Рейха, и Гогенцоллернам, их историк защищал от обвинений в симпатиях к нацизму, но отказался от этого перед лицом последовавших за этим споров.

«Сомнамбулы...» (2012) – это историко-графически обоснованная монография, опирающаяся на множество документов и предлагающая кропотливый анализ событий, предвалявших начало первой мировой войны. Она написана в типичной англосаксонской манере и легко читается.

Изоляция Германии

Анализ производится с позиций реалистского течения и затрагивает только политический срез, империализм и экономическое восхождение Германии упоминаются лишь намёками. Автор приводит числовые показатели количественной стороны германского восхождения, касающиеся промышленного производства и торговли в сравнении с Великобританией.

Кларк фокусируется на двадцати пяти годах – с 1890 по 1914 год, – когда формировались блоки: франко-русский и немецкий. Великобритания склонялась в сторону Антанты, но не сразу и никогда полностью. Блоки утвердились в течение долгого времени и не были сплочёнными – наоборот, были пересечены взаимными сомнениями и подозрениями союзников, но в конечном итоге брели прочно.

После Бисмарка, который всегда уклонялся от участия в таких блоках, Германия в 1890-е годы оказалась изолированной. Её единственным союзником была Австро-Венгрия, которую в Европе всё больше считали переживающим упадок и уходящим в прошлое образованием. Главным врагом была Франция, которая зациклилась на собственном страхе перед объединённой Германией; этот страх и толкнул её к связям с Россией.

В России до 1905–1907 годов азиатский вектор преобладал над европейским. Затем поражение в войне с Японией и остановка (или почти остановка) проникновения в Персию и Центральную Азию по итогам англо-русского соглашения 1907 года сделали преобладающим европейское и балканское направления внешней политики, которая в качестве главной цели определила доступ к проливам Босфор и Дарданеллы, необходимый для сельскохозяйственного экспорта и вероятного военно-морского доступа к Средиземноморью.

Эпицентром европейских конфликтов тогда стали Балканы. Там между собой столкнулись Россия и Австрия (хозяйка Словении, Хорватии и Боснии), а косвенно и Германия (поскольку её рассматривали как «хозяйку» Австрии); ситуация стала более нестабильной по причине неугомонности славянских стран (Болгарии и особенно Сербии) и быстрого упадка Османской империи.

Два британских фронта

Что касается Великобритании, которой тогда заведовало либеральное правитель-

ство (разделённое на радикальное большинство и «империалистическое» меньшинство), она выступала на двух фронтах: европейском и имперском. Долгое время либеральное большинство было антирусским и восхищалось восхождением Германии. Были те, кто предлагал сближение с Берлином. Но бельмом на глазу Империи было проникновение России в Центральную Азию, в Персию и в направлении Индии. По мнению Кларка, по этой причине и была сформирована в 1904 году Антанта (Сердечное Соглашение), которую англичане, в отличие от французов, не рассматривали в антигерманском ключе: Британия рассчитывала использовать свою подругу Францию, чтобы сдержать её подругу Россию. Таким образом, в 1907 году была заключена Конвенция с Россией, которая систематизировала баланс сил в Центральной Азии, хотя Лондон так и не перестал беспокоиться по этому поводу.

Эдвард в правительстве Асквита

В правительстве Асквита пост министра иностранных дел занимал Эдвард Грей со своими антигерманскими соратниками. В этом контексте был опубликован «Меморандум Кроу», который, по мнению Кларка, слишком демонизировал Германию. Тем не менее группа осталась в меньшинстве, и Грея поддерживали в основном консерваторы. Ситуация осложнялась ирландским движением за самоуправление (*Home Rule*), которое консерваторы использовали, а впоследствии вознамерились уничтожить. В 1914 году они заявят: или самоуправление, или война, поскольку для участия в том и другом одновременно не хватает военной силы.

Лондон считал восхождение Германии не очень хорошим фактом, но с военной точки зрения оно его мало волновало. На доктрину Тирпица оказывал влияние дисбаланс военных флотов, который по-прежнему был в пользу Великобритании, так что в 1913 году Германия отказалась от соперничества на морях.

Начало войны

Многие европейские кризисы (как, например, марокканские кризисы 1905 и 1911 годов) по большей части были преодолены. Балканский пазл удавалось складывать даже в самые критические моменты, такие как Балканские войны 1912–1913 годов.

Но в 1914 году война всё-таки разразилась. Никто не начинал её умышленно, но больше всего к ней подталкивали Франция под предводительством лотарингского беженца Раймона Пуанкаре, убеждённого противника Германии, и особенно Россия, беспокоящаяся за проливы (и потому за Балканы). Их настрой и тактика не касалась Вены: врагом являлся Берлин. Они защищали Сербию. Австрия заявила протест по поводу нападения в Сараево и получила карт-бланш от Германии. Берлин рассчитывал локализовать австро-сербский конфликт в рамках ограниченной войны; существовал риск войны с Россией, который он, однако, принимал – главным для него было невступление в конфликт близкой к Антанте Британии (в силу этой близости было не ясно, что она будет делать); тем не менее, если бы Лондон вступил в войну, то Берлин был готов принять вызов.

После колебаний Англия действительно вступила в войну. Навязала себя линия Грея, хотя и он часто колебался. Англия присоединилась, чтобы поддержать Францию и сдержать врага – Германию и союзника – Россию, являющуюся

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Выдержки из главы 4 «Множество голосов европейской внешней политики».

«Колебания власти вокруг различных точек структур принятия решений усиливали сложность и непредсказуемость взаимодействий внутри европейской международной системы, особенно в такие моменты политических кризисов, когда два или более правительства взаимодействовали друг с другом в атмосфере усиленного давления и угрозы».

«Инициативы, влиявшие на проведение страной внешней политики, могли происходить и происходили из весьма периферийных частей политической надстройки. Фракционные союзы, функциональные трения внутри правительства, экономические или финансовые ограничения и нестабильная химия общественного мнения – всё это оказывало постоянно меняющееся давление на процессы принятия решений. Поскольку полномочия формулировать решения переходили из одного узла исполнительной системы в другой, существовали соответствующие колебания в тоне и ориентации политики. Такой хаос соперничающих голосов является ключом к пониманию периодических волнений европейской системы в течение последних предвоенных лет. Он также помогает объяснить, почему июльский кризис 1914 года стал наиболее сложным и непрозрачным политическим кризисом современности».

«Вероятно, мы можем различить растущую готовность к войне по всей Европе, особенно в среде образованных элит. Она принимала форму не кровавых призывов к насилию против другого государства, а «оборонительного патриотизма», который признавал возможность войны, но не обязательно её желал – эта точка зрения подкреплялась убеждением, что конфликт является «естественной» чертой международной политики».

соперником на «периферийных территориях Империи». Кларк не говорит об этом открыто, но можно предположить, что он отдаёт предпочтение последнему варианту со стороны находящейся в упадке Британской империи, которая уже была не в состоянии защищать свою азиатскую «периферию».

Плюрализм сил и течений

В названии книги использовано слово «Сомнамбулы». Ни одна из держав не располагала достаточным знанием и достаточно точной информацией ни о противниках, ни о союзниках. В книге приводится множество примеров того, как, в частности, в 1914 году воспринимали Россию: немцы, британцы и французы переоценивали её военную мощь и экономическое восхождение. Немцы были убеждены, что в 1916 году Россия превзойдёт их по силе, так что осталось мало времени на войну в благоприятных условиях; российские министры, наоборот, представляли себе, каких финансовых затрат потребует война и как она будет ненавистна подчинённым классам, которые предпочитают революционеров.

Каковы были доминирующие течения в других странах? Об этом всем пример известен мало и плохо. Снова пример России: британцы были убеждены, что в 1914 году там происходит утверждение «партии мира» во главе с бывшим премьером Сергеем Витте, но это никак не соотносилось с реальностью.

Информация была крайне запутанной, и самый интересный аспект книги посвящён именно этому. Отсылаем ко второй части 4 главы «Множество голосов европейской внешней политики». Для каждой страны Кларк расписывает плюрализм тенденций и инициатив во внешней политике (полицентризм): монархи, премьер-министры, члены правительства, функционеры министерств иностранных дел, дипломатические работники, военные, с соответствующим эхом в газетах и общественном мнении. Кларк открыто признаёт закономерность плюрализма в том числе в авторитарных режимах, хотя для держав начала XX века была свойственна путаница.

Туман политики

На своём языке Кларк описывает нарушение равновесия в политических надстройках империалистических держав.

Централизация являлась недостаточной, синтез не происходил или происходил нестабильно: на лиц, принимающих решения по внешней политике, влиял хаотичный неопосредованный плюрализм. Эта ситуация производила замешательство и разногласие внутри одной и той же державы и особенно вечно неуверенные интерпретации со стороны других, будь то союзники или враги. Отсюда недоверие русских к французам (помогут ли на Балканах?), французов к русским (будут ли сражаться за Эльзас и Лотарингию?) и британцев и русских к британцам (что те предпримут в случае войны?). Отсюда германские надежды, иногда обоснованные, что Великобритания не вступит в войну.

Отсюда же метафора сомнамбулизма: державы шли вперёд, не осознавая собственных действий. Однако Кларк описывает не только сомнамбулизм, но и дальновидность, в особенности Грея, но также Теобальда фон Бетман-Гольвега. Вероятно, это отсылка к трилогии романов венского еврея Германа Броха «Лунатики»: первая мировая как конец мира определённых ценностей; инерция, которая захватывает действующих лиц, во всяком случае согласно ряду интерпретаций.

Вероятно, ситуацию можно описать не столько сомнамбулизмом, сколько туманом политики: планировать, основываясь на том, что считается собственными интересами (или что считается таковыми фракцией элит), и при этом плохо знать, какие интересы преобладают в других державах и каковы планы этих держав. Получается непреднамеренный результат – война, о которой тем не менее строили гипотезы и которую не исключали все державы.

Книга «Сомнамбулы...» не объясняет нам, почему произошёл первый мировой империалистический конфликт, ведь его глубокие корни связаны с неравномерным экономическим и политическим развитием, империалистическим противостоянием и неспособностью капитализма поддерживать стабильный порядок среди держав. И всё же это исследование предоставляет нам внушительный объём материала о том, как война стала результирующей параллелограмма сил.

Империалистическая война и Сопротивление в Европе

Отрицание или даже сокрытие империалистического характера войны 1939–1945 годов можно также рассматривать как краеугольный камень, на котором покоится длинный контрреволюционный цикл второй половины XX века, продолжающийся до сих пор. Для ленинистов характеристика этой войны как империалистической не является оскорблением в адрес той или иной державы, а научным определением стадии, достигнутой буржуазным обществом. Это незаменимый ориентир для стратегической ориентации даже спустя восемьдесят лет.

Речь шла о мире в целом, теперь полностью объединённым общей капиталистической формой производства и эксплуатации, хотя и в разной степени развития, но в то же время неизбежно разделённым в борьбе между державами того времени, как показало драматическое чередование союзов и резких разворотов во время мировой войны.

Можно также сказать, что вторая мировая война была наследием первой, продуктом контрастов и нестабильных экономических, финансовых и политических порядков, установленных в 1919 году в Версале. Явные или скрытые войны и внутривойсковые столкновения продолжались в течение следующих двух десятилетий, от Восточной Европы до Италии и Китая, от наступления нацизма до гражданской войны в Испании. Экономический кризис, разразившийся в США в 1929 году и охвативший весь мир, затянулся и по-настоящему завершился лишь в ужасающей топке конфликта.

Поэтому вторая мировая война не могла отличаться от первой: яростное столкновение крупных концентраций производства и капитала за инвестиции, за разделение рынков сбыта и поставок. В бесконечной историографии никто не отрицает конкуренции даже внутри двух противоборствующих лагерей, но затем проследивает его в том или ином политическом и идеологическом подходе, если не в личности глав различных государств.

Слом и предательство империализма

Если в 1914–1918 годах большинство социалистических партий и профсоюзов потерпели крах, став в один ряд со своими правящими классами военного времени, то в 1939–1945 годах, напротив, социал-демократические и сталинистские партии уже стояли в одном ряду с буржуазией, и «рухнуть» было нечему.

Были массовые забастовки и восстания, даже в войсках, как и в 1917 году, но в 1943–1945 годах не хватало эффективного политического руководства, которое привело бы эти волнения к слову порядка и интернационалистскому революционному развитию или, по крайней мере, попыталось бы предпринять действия такого масштаба и остроты, которые недвусмысленно оставили бы след для будущих поколений.

Ряды милитантов пережили сначала крах структуры Социалистического Интернационала в 1914 году, а затем, в середине 1920-х годов, часто не осознавая этого, поражение ленинского плана международной революции и победу государственного капитализма в России, олицетворяемого Сталиным, который расправлялся с коммунистами в Москве и по всему миру.

Сталинская контрреволюция в начале войны полностью контролировала партии Третьего Интернационала, все из которых были очищены от революционных позиций и собственных основателей. Таким образом, Москва, как и другие державы, вступила в конфликт с явными империалистическими целями. Если бы российский интернационалистский оплот и его всемирная партия устояли, стратегическая картина конфликта была бы иной, но этого не произошло.

С 1945 года несколько поколений нашего класса сменяли друг друга под этим политико-идеологическим, даже эмоционально-сентиментальным покровом, который искажал и фальсифицировал страшный опыт войны и самого Сопротивления.

Империалистическая конкуренция и Сопротивление

Столкнулись агрессивность нацистской Германии, поставленной в невыгодное положение в Версале, и грубая французская и британская защита колониального и финансового господства; вклинилась двусмысленная дипломатия фашистской Италии; Япония процедила свою силу в направлении Китая и Тихого океана, в том числе чтобы ограничить вторжение американской державы, которая давила повсюду, даже на владения и рынки своих европейских союзников.

Партии, наполнявшие жизнью Сопротивление в различных странах, были непосредственно включены или вовлечены в эту яростную мировую конкуренцию империалистических держав. В Сопротивлении участвовали носители националистических позиций, там были и откровенные реакционеры, выступавшие против немецкой оккупации. Там были монархисты, либералы, демократы, представители прежних политических и институциональных порядков, которые они хотели восстановить и сохранить.

Сами коллаборационистские институты, возникшие после немецкой оккупации, включились в эту игру, которая часто велась обеими сторонами. Другие демократические течения, социал-демократические и сталинистские формирования принимали ведущее участие в столкновении между империалистическими соперниками, становясь на сторону одного из них, возможно, не говоря об этом явно, иногда даже не осознавая этого в полной мере.

Говоря о Ялтинской конференции в феврале 1945 года, мы имеем в виду все конференции, сопровождавшие конфликт. На них создавались и разворачивались союзы с обеих сторон конфликта, делились территории, релоцировались промышленные аппараты, составлялись финансовые схемы, совершались массовые убийства, перемещались миллионы мужчин, женщин и детей. Сопротивление было «узником» этих соглашений между державами с начала конфликта в 1939 году и до его завершения в 1945-м.

Поэтому Сопротивление не было «предано», как утверждали многие партизаны, разочарованные тем, что произошло после апреля – мая 1945 года. Их реакция на жестокий отказ от надежд, которые они питали в те суровые годы, понятна; однако необходимо осознать, почему этого не могло произойти, учитывая империалистическое ведение и завершение во-

ины, несмотря на стойкость и героизм сопротивлявшихся.

Ялта и «преданное» Сопротивление

Арриго Черветто в 1964 году делает набросок статьи, которая осталась неопубликованной (сейчас включена в 9-й том собрания сочинений). В нём он обращается к теме «Миф о преданном Сопротивлении», вписывая его в рамки повторения «разочарованных стремлений» во время великих исторических потрясений. «В некоторых случаях, – пишет он, – реакция на “преданный миф” может быть полезной, потому что в ней созревает сознание отдельных людей» и потому что, «прежде всего, она демистифицирует апологию “осуществлённого” мифа».

Однако этот миф, уточняет Черветто, также «негативен, поскольку он подразумевает “сентиментальную” (и иррациональную) подоплеку политического выбора, которая, если и может быть исторически оправдана в отношении индивида и его идеологического формирования, но не в отношении политического движения, даже если, очевидно, тому могут найтись объяснения». Это миф, который «препятствует обретению автономной “теоретической и политической” платформы».

Как и многие рабочие, сражавшиеся в Сопротивлении, Черветто, Лоренцо Пароди и другие товарищи, сразу после войны объединившиеся в политическую группу, из которой через двадцать лет теоретических и политических битв была сформирована Lotta Comunista, пережили этот климат и этот исторический этап. Они не приняли политически его завершения, но в то же время отвергли «миф о преданном Сопротивлении», сумев таким образом завоевать «автономную “теоретическую и политическую” платформу». Это потребовало долгих лет борьбы.

Наши товарищи открыто выступили против использования этого «мифа» сталинизмом местного разлива, ИКП, который побуждал свои наиболее решительные настроенные низовые организации ждать окончательного сведения счётов, отложенного и замаскированного с помощью парламентаризма, в надежде, что российская держава принесёт социализм всему миру.

В итоге ложные обещания и обманчивые ожидания истощили и рассеяли классовый импульс многих рабочих, упорно сражавшихся в Сопротивлении и в те первые годы борьбы. Определение левых партий того времени «контрреволюционными» никогда не было для нас полемическим выпадом, а являлось констатацией, необходимым разграничением.

Сопротивление: курс на классовую борьбу

Возвращаясь к написанному в 1964 году, формулировка Черветто однозначна: «Сопротивление не было предано. Преданы были стремления и т. д. Но так было всегда. [...] Следовательно, во-первых, возникает проблема понимания того, чем было Сопротивление в реальности классовой борьбы. Во-вторых, почему было Сопротивление, а не превращение империалистической войны в гражданскую».

Нужно «понимать», что «Сопротивление – это эпизод. Нужно знать всю историческую фазу от изоляции русской революции до империалистической войны. [...] И абсурдно изучать Сопротивление, не определив предварительно мировой контекст», в котором происходит империалистическая война. Подобный подход является «грубым провинциализмом».

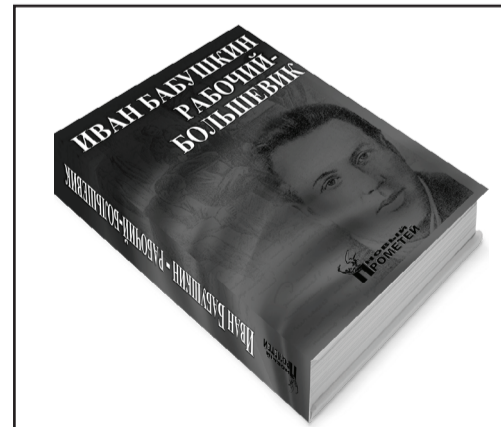
С точки зрения Черветто, основополагающим интерпретационным ключом была «классовая борьба во время фашизма (именно так следует подходить к проблеме фашизма и Сопротивления; следует рассматривать классовую борьбу и Сопротивление; рабочих и Комитет национального освобождения Италии (CLN); монополии и CLN)».

В более позднем отрывке от октября 1974 года («Opere», vol. 15), сравнивая наиболее достоверные данные, Черветто количественно оценивает энергию, движимую «классовой борьбой» 1942–1945 годов, переплетённой с международными факторами войны: 100.000 рабочих были вовлечены в борьбу на различных уровнях (1 из 85–100 представителей класса; на Севере и в мегаполисах доля выше). Можно подсчитать, что 10 % из них были левыми, в смысле отвергали CLN.

Потенциал в 10.000 бойцов в городах, на заводах и в горах, который, однако, «не имея политического руководства, был рассеян или подобран сталинизмом», изолировавшим, очернявшим и даже физически ликвидировавшим тех, кто не присоединился к нему. В 1970-е годы этот численный подсчёт был также конкретным указанием на возможное наличие аналогичных сил, которые наше ленинистское меньшинство могло вовлечь в своё сражение.

Такое определение Сопротивления, конечно, не умаляет мужества и самопожертвования его участников, независимо от их политической и идейной ориентации; об этом свидетельствуют бесчисленные биографии. В нашей газете мы неоднократно освещали и документировали Сопротивление рабочих в Италии и Германии; в исследовании, которое мы сейчас предлагаем, будут затронуты другие европейские страны. Это своего рода аргументированная хронология основных этапов Сопротивления, излагаемая с конкретной целью хотя бы частично пролить свет на те эпизоды классовой борьбы и те группы интернационалистов, которые возникли повсюду во время конфликта, но были подавлены, оклеветаны, а затем намеренно скрыты.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Хроники Шёлкового пути

Тирпиц и Каутский в Пекине

Какими бы новыми ни казались сны о мрамбул империализма, им по-прежнему свойственно ходить во сне, а просыпаясь, вооружаться. Всекитайское собрание народных представителей одобрило увеличение военных расходов до 224 млрд долларов, то есть эти расходы вырастут быстрее, чем ВВП, но всё равно останутся ниже порога в 2 % ВВП, на который ориентируются некоторые течения, в том числе бывший редактор *Global Times* Ху Сицзинь. Именно потому, что происходит перевооружение в Европе и Азии, Пекин не хочет давать «однозначный сигнал внешнему миру [о] гонке вооружений». «Стратегическое хладнокровие» Дракона состоит в том, чтобы придерживаться собственных планов перевооружения.

Комментируя перевооружение Японии, Ху добавляет, что, если отвлечься от конкретных цифр, китайские конвенциональные силы должны будут «превысить совокупную военную мощь, которую Соединённые Штаты, Япония, Австралия и остров Тайвань смогут развернуть в западной части Тихого океана в будущем». Именно в этом направлении и продвигается китайский военно-промышленный комплекс. Лондонский Международный институт стратегических исследований (IISS) в своей ежегодной оценке «*Military Balance*» заявляет, что это нетривиальная задача. Так, у Китая 59 подводных лодок против 22 у Японии, 6 у Австралии и 4 у Тайваня, но Соединённые Штаты держат в регионе только около 10 из своих 67 подводных лодок.

Достижение Китаем превосходства в регионе зависит от квоты США на развёртывание войск в Азии, которая, в свою очередь, зависит от напряжённости на всех театрах военных действий. На практике китайское перевооружение и глобальные обязательства первой державы будут зависеть друг от друга, и появится что-то аналогичное плану адмирала Тирпица по противостоянию немецкого флота Великобритании более века назад. Если рассматривать авианосцы, десантные «квазиавианосцы» и вертолётносцы, то нынешнее превосходство Китая над ВМС Японии, Австралии и Тайваня вместе взятых составляет 12 к 10, но показатель американцев на всём мировом театре составляет 40 единиц. Если мы примем во внимание аналогичные данные по крейсерам (3, 4, 24), эсминцам (36, 42, 68) и фрегатам (45, 36, 21), то получим перспективу как обширного китайского плана перевооружения ВМФ, так и вооружённых переговоров с другими державами, начиная с Японии. По мнению Ху Сицзиня, поскольку военное преимущество Китая перед Японией «носит системный характер», Пекину неудобно обращаться с Токио как с «неизбежным врагом».

Региональное перевооружение и мировая держава

Принимая за основу потенциальное развёртывание сил других держав, Ху, по-видимому, склоняется к линии *two-power standard*, разработанной во второй половине XIX-го века Великобританией против Франции и России и ставшей неустойчивой в XX-м веке с утверждением Германии и Америки и перевооружением Японии. По мнению Пола Кеннеди, этот рецепт флота, равного сумме флотов двух главных преследователей, был инструментом Англии

по управлению своим долговременным упадком, поэтому Лондон сделал выбор в пользу признания де-факто первенства США в Америке и соглашения с Японией в Азии, приняв вызов Германии в Европе. План Тирпица предполагал флот, столь сильный в Северном море, чтобы заставить Лондон пойти на уступки в глобальных сферах влияния, то есть именно региональное превосходство для глобальных переговоров, в расчёте, что Королевский флот не сможет противостоять Германии, не обнажив океанские просторы, что вместо этого начал делать Лондон.

Господство Японии в период между войнами 1895 и 1905 годов, если основываться на его описании американскими историками Марком Питти и Дэвидом Эвансом в их истории японского флота с 1887 по 1941 год «*Kaigun*», стоит оценивать по тому же критерию. По мнению контр-адмирала Ямамото, Императорский флот должен был принимать во внимание не только Россию, но и гипотетическую «морскую коалицию двух держав». План «шесть – шесть» 1896 года предусматривал строительство примерно за десять лет 6 линкоров и 6 крейсеров, призванных компенсировать силы, которые Великобритания могла развернуть в Азии с помощью второй державы – Франции или Германии.

Подобно английскому *two-power standard*, план Ямамото также исходил из «способностей, а не намерений» держав, но не отрывался и от соображений баланса сил. В 1902 году соглашение с Лондоном сместило акцент на Россию; в 1907 году, после поражения русских, Токио обратил внимание на потенциальную угрозу со стороны США, которые в 1898 году вступили в войну с Испанией в Азии, где президент Теодор Рузвельт имел амбициозные военно-морские планы. Адмирал Сато считал, что Страна восходящего солнца должна принять *standard*, позволяющий противостоять 70 % американского флота, отсюда и план «восемь – восемь». В развернувшихся в Токио спорах о расходах Вашингтон стал для военно-морской фракции «врагом, позволяющим раздуть бюджет», и эта концепция аналогична китайскому *racing challenge* – вызову, который сегодня «задаёт темп» действиям Пентагона в соответствии с последней Стратегией национальной обороны.

XX век предоставит огромную выборку возможностей, намерений и результатов военных и мирных форм раздела мира, переплетения «двух рук» сцепившихся между собой держав. Сегодня Пекин планирует построить «шесть авианосцев» до 2035 года и пока придерживает своих Тирпицев и Ямамото, выдвигая на первый план Каутских – теоретиков инклюзивного раздела, социал-империализма с китайской спецификой.

“12 пунктов” Ван И

Китай обнародовал свою Инициативу в сфере глобальной безопасности (GSI), сопровождающую заявление из 12 пунктов по украинской войне, и документ Министерства иностранных дел против «американской гегемонии». Концептуальные рамки китайского посредничества на Украине в основном уже были озвучены в прошлогоднем беспрецедентном предложении европейскому империализму, о котором мы писали в апреле 2022 года в статье

«Выверенный нейтралитет Пекина в первой войне «Новой эры». Двумя основополагающими концепциями Китая являются, с одной стороны, защита «суверенитета, независимости и территориальной целостности всех стран», в том числе и в украинском и тайваньском кейсах, а с другой – «сбалансированная архитектура европейской безопасности», в рамках которой «законные интересы и заботы о безопасности всех стран воспринимаются всерьёз».

Они предполагают реалистичные переговоры с Россией, на которые рассчитывали Париж и Берлин перед войной. Пекин выступает против ядерной угрозы со стороны Москвы и односторонних санкций Запада. Наконец, возражение против политического использования глобальных производственных цепочек отсылает к *linkage* (связи, вынуждающей вести переговоры) с США с их «*Chips Act*» и Европе с её тактикой технологического отрицания. Бывший министр иностранных дел, а ныне глава канцелярии комиссии по иностранным делам ЦК КПК Ван И считает, что право решающего голоса имеют Китай и Европа, так как их подходы соответствуют характеру цикла: «Если обе стороны выберут диалог и сотрудничество, блокового противостояния не возникнет; если обе стороны выберут мир и стабильность, новая холодная война не разразится».

Старший полковник в отставке и бывший глава канцелярии по международному военному сотрудничеству Центрального военного совета КНР, а ныне старший научный сотрудник Центра международной безопасности и стратегии Университета Цинхуа Чжоу Бо считает, что нет необходимости в том, чтобы “12 пунктов” получили немедленное признание, потому что Китай уже утвердил себя среди держав: даже если вес Дракона не проявится здесь и сейчас, то Европа рано или поздно признает его, как это было в случае с переговорами по иранской ядерной программе в регионе Персидского залива.

Неделимая безопасность и неожиданность в регионе Персидского залива

Инициативой в сфере глобальной безопасности Китай подтверждает свою доктрину «мирного восхождения», но предупреждает, что «глобальная безопасность невозможна без безопасности Китая». Понятию «неделимое сообщество безопасности» противопоставляется «абсолютная» и «исключительная» безопасность старых держав, обвиняемых в захвате «очагов региональной безопасности» и разжигании «локальных конфликтов и неурядиц» в их противостоянии и попытках сдерживания утверждения новых конкурентов. Новый китайский империализм стоит на защите «суверенитета и территориальной целостности» от вмешательства старого порядка, вплоть до продвижения «коллективной безопасности» Среднего Востока, «площадки для многостороннего диалога» в регионе Персидского залива, защиты «глобальной продовольственной и энергетической безопасности», а также поставок и транспортировки зерна, газа и нефти. Это вопросы, которые по самому своему характеру предполагают множество возможных комбинаций отношений крупных держав – от взаимопонимания до конфронтации.

Недавнее соглашение о возобновлении дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, подписанное в Пекине, знаменует собой крупный шаг, поскольку потенциальный запуск китайской «двойной опоры» в Персидском заливе объективно подрывает американскую Доктрину Картера, в соответствии с которой США осуществляют одностороннюю гарантию «энергетических открытых дверей» против любой державы или коалиции враждебных держав. С другой стороны, первый практический шаг GSI, касающийся энергетических артерий, содержит, пусть и «неохотное», но всё же предложение сотрудничества всем державам, «в том числе и Соединённым Штатам», уточняет *Global Times*.

“Риски” гегемонии других

Китайское предложение “открытых дверей” на “развивающихся рынках” также содержит притязание на собственную империалистическую проекцию – Шёлковый путь, отличную от старых методов империализма, и в этом смысле оно перекликается с некоторыми чертами утверждения США в качестве колониальной державы на рубеже XIX–XX веков, а также с “политикой открытых дверей” в Китае и его претензией на защиту своей территориальной целостности от европейского и японского колониализма. Ирония неравномерного империалистического развития заключается в том, что сегодня сам Китай ставит «гегемонистскую пьесу» первой державы в стиле “Американская гегемония и её риски”.

Доктрина Монро 1823 года «провозгласила Америку для американцев», но означала “Америку для Соединённых Штатов”, – говорит Пекин; с 1776 года США «истребляли индейцев, вторгались в Канаду, вели войну с Мексикой, спровоцировали испано-американскую войну и аннексировали Гавайи»; после второй мировой войны настала очередь Кореи, Вьетнама, Персидского залива, Косово, Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии; США устраивают “цветные революции”, разжигают региональные конфликты и развязывают войны за демократию; военные расходы США «превышают сумму 15 военных бюджетов следующих за ними стран»; Соединённые Штаты вели войны или были вовлечены в военные конфликты почти со всеми странами, признанными ООН. Среди инструментов «экономической гегемонии» упоминается МВФ: «[...] для уменьшения препятствий притоку американского капитала и спекуляции» страны-получатели “помощи” фонда должны были открыть свои финансовые рынки; «1.550 программ сокращения долга, предоставленных МВФ 131 стране с 1985 по 2014 год, были связаны с 55.465 политическими условиями».

Обличение частных форм раздела при полном забвении его общего для всех держав содержания как раз и было чертой каутскианства – немецкого и интернационального варианта социал-империализма. Мутировавшая в новое вооружённое каутскианство китайского толка, эта концепция желает противопоставить себя старым методам империализма, но не отказывается и от канонеров, в том числе в качестве переговорного оружия.

Сталинизм и поражение английских забастовок 1926 года

С 1918 по 1920 год мобилизация английского рабочего движения достигла пика, но с 1921-го борьба приняла преимущественно оборонительный характер, вплоть до поражения 1926 года, когда количество забастовок сократилось вдвое, а профсоюзы потеряли миллионы членов.

Эту ситуацию описал Эдуардо Гренди в своей книге 1964 года *“L'avvento del laburismo”*. С 1921 года и далее «положение английских рабочих определялось дефляционным опытом и угольным кризисом: единственной экономической политикой движения оставалась защита уровня жизни рабочих. В стране, в 1925 году вернувшейся к золотому стандарту, это было равносильно согласию с общепринятой монетарной ортодоксией, то есть с “общепринятым мнением” о силе системы».

Автор добавляет, что «чехарда» между забастовками и парламентской активностью, по определению Беатрисы Вебб, не могла продолжаться долго: «Теперь это было устоявшееся движение, его лидерами были государственные мужи, фигуры национального масштаба, умственно и политически обусловленные ежедневной заботой о торгах и статусе. [...] Если профсоюзы выиграли общенациональные переговоры и максимально расширились, то Лейбористская партия стала “оппозицией Её Величества”, поднявшись до ранга второй массовой электоральной партии».

Победы, которые хуже поражений

К тому времени под давлением международной конкуренции шахты постоянно находились в убытках, профсоюзы требовали «национализации» и «субсидий», хозяева и даже правительство, хотя оно играло лишь роль посредника, напротив, добивались «снижения заработной платы и увеличения рабочего времени».

Столкновение прошло через различные фазы. В «Чёрную пятницу» апреля 1921 года шахтёрам резко урезали заработную плату, когда их оставил в одиночестве *Тройственный союз* – довоенный альянс между профсоюзами горняков, железнодорожников и транспортников. По-видимому, всё изменилось в «Красную пятницу» июля 1925 года, когда горняки, угрожая новой забастовкой, получили от правительства субсидию на заработную плату и отсрочку до 1 мая 1926 года.

Неуместное доверие. Даже немарксист Макс Бир в *“A History of British Socialism”* делает замечание относительно «Красной пятницы», с которым мы согласны: «Конечно, для экономически зависимого класса случайная победа над могущественным правящим классом опаснее поражения».

4 мая 1926 года перемирие истекло, и началось наступление правительства. Общенациональный профсоюз объявил «всеобщую забастовку», которая поставила в строй вместе с миллионом горняков полтора миллиона транспортников, печатников, металлургов, химиков, при этом в резерве ещё оставалась «вторая линия», которая так и не вышла на поле боя. Глава горняков А. Дж. Кук придумал лозунг: «Зарплата – ни на пенни меньше, рабочий день – ни на секунду дольше».

Неподготовленная забастовка

Все, кто изучал эту забастовку, соглашаются с тем, что профсоюзные

лидеры были неподготовлены, в отличие от правительства, которое планировало свою борьбу. Его намерение состояло в том, чтобы вернуться после поспешно организованной «всеобщей забастовки» – спустя девять дней активного участия рабочих, – когда горняки останутся в одиночестве, и дожидаться их неизбежной капитуляции, последовавшей в ноябре.

Дж. Д. Г. Коул в работе *“A Short History of the British Working Class Movement”* описывает канун столкновения: «До последнего момента профсоюзные лидеры надеялись, что столкновения удастся избежать. Чтобы не показаться “подстрекателями”, они практически не готовились к забастовке, тогда как правительство, не проявляя подобных колебаний, было полностью подготовлено во всех областях».

Профсоюзы считали, что в прошлом году «правительство капитулировало, хотя на самом деле, как ясно показали последующие события, оно лишь пыталось тянуть время. [...] Профсоюзы объявили войну, но их боссы не хотели верить им на слово. А вот правительство поверило».

Классовая борьба

С этим соглашается и Ральф Милбэнд в книге *“Parliamentary Socialism: A Study of the Politics of Labour”*, подчёркивая два момента: «Неподготовленность имеет значение только как симптом колебаний лидеров перед лицом атаки правительства: они не были готовы именно потому, что знали о приготовлениях правительства», но им «никогда не удавалось убедить себя» в том, что правительство или его части «не будут или, скорее, не смогут действовать как беспристрастный, разумный, справедливый, независимый и объективный арбитр».

Заключительное соображение Милбэнда напоминает ленинский тезис о том, что каждая забастовка содержит в себе «искру социализма», даже если её протагонисты ещё не обладают той сознательностью, которая есть у правящего класса. Далее автор делает в целом верное, хотя и не выходящее за рамки тред-юнионистской логики, замечание: «Реальная опасность, которую хотело предотвратить правительство, состояла в укреплении рабочей организации, а это могло бы произойти, если бы горняки с помощью своих товарищей выиграли битву против хозяев».

Новый глава консерваторов Уинстон Черчилль мог контролировать «распространение новостей» с помощью специально созданной в то время *British Gazette* и радио (BBC), используя новые инструменты для совершенствования распространения дезинформации и клеветы, что имело большое значение. Правительство добавило к этому традиционные инструменты: полицию, армию, суды и тысячи арестов. Черчилль использовал в качестве штрейкбрехеров объединения «добровольцев», завербовав 100 тыс. человек, которые под защитой полиции и армии вступали в борьбу с забастовщиками.

Завершение революционного цикла

За поражением последовал “Закон о трудовых конфликтах и профсоюзах” (1927), который объявлял «всеобщую забастовку» и все «забастовки

Интернационализм и советское государство

После окончания мирового конфликта, в разгар поддерживаемой европейскими державами гражданской войны против власти большевиков, в Лондон в качестве дипломата был направлен Леонид Борисович Красин, который встретил там враждебное окружение, но установил контакты с компаниями, заинтересованными в выходе на российский рынок. 16 марта 1921 года, после перемирия на польско-русском фронте, было подписано Советско-английское торговое соглашение, которое предусматривало обеспечение торговых и инвестиционных потоков, а также обязательство не изымать русское золото, депонированное в английских банках, со стороны Великобритании и компенсации британским гражданам, пострадавшим от революции, со стороны РСФСР. В тексте также содержалось обязательство не совершать действий, противоречащих политическим интересам каждой из сторон, которое, правда, ни одна из двух договаривающихся сторон никогда не собиралась соблюдать.

В 3-м томе своей книги “Большевистская революция” Эдвард Х. Карр анализирует то, что он называет ленинской “двойственной политикой” – одновременно революционной и русской, – корни которой, как он всё же напоминает, сам большевистский лидер связывал с «государственным капитализмом». По мнению Карра, «советская внешняя политика с осени 1918 г. до конца 1920 г. характеризовалась исключительно задачами интернационального и революционного порядка в большей степени, чем в любой другой период»¹. Однако гражданская война закончилась, и «страна находилась в отчаянном положении, была необходима перестройка, и даже ценой очевидной жертвы революционными принципами надо было делать уступки не только крестьянству, но и зарубежному капиталистическому миру»². В интерпретации Карра Ленин – сначала восторженный революционер в Европе, а уже в 1921 году разочаровавшийся в ней – предстаёт беспринципным тактиком, но этот трюк удаётся ему только потому, что он уклоняется от любых ссылок на стратегию, выводя за скобки решающий характер периода борьбы за международную революцию, в итоге несостоявшуюся, и в конечном счёте сводит действия Ленина к господствующей в России государственной логике.

В “Письме к английским рабочим” от 30 мая 1920 года, которое последовало сразу после визита британской делегации, настроенной критично по отношению к большевизму, Ленин разделяет роли революционного политического лидера и главы правительства. Это разъяснение может показаться формальным, случайным, но оно относится к стратегической перспективе, которую многие, даже искренние революционеры, никогда не понимали, и при этом является очень ясным по форме. «Когда ваша делегация предложила мне послать через неё письмо английским рабочим и, может быть, также предложение английскому правительству, я ответил, что с благодарностью принимаю первое предложение, но к правительству я должен обращаться не через рабочую делегацию, а непосредственно от имени нашего правительства» через представителей в Лондоне, продолжавших вносить мирные предложения, которые английское правительство продолжало отвергать. «Неудивительно поэтому, что с делегатами английских рабочих я желал говорить исключительно как с делегатами рабочих и не в качестве представителя правительства Советской России, а в качестве просто коммуниста»³.

сочувствия» незаконными, а также уменьшал возможности пикетирования. Лейбористы, которые в программе 1918 года хотели «исправить» капитализм, полностью превратились в его запасную партию в парламенте, сформировав в 1929 году ещё одно правительство Рамсея Макдональда после банкротства предыдущего в 1924-м. Будучи фактически исключённым в 1931 году, он вновь сформировал «правительство личностей» с консерваторами и либералами.

Таким образом, Лейбористская партия участвовала во всех шагах политики английского империализма, вплоть до новой мировой войны. В ней даже нашлось место представителю партийной «левой», занимающему государственные посты, Освальду Мосли, который, после того как его «социальный» план повышения пенсий, общественного контроля над промышленностью и защиты от безработицы был отвергнут, покинул лейбористов и в 1930 году основал фашистскую партию.

Историки троцкистской ориентации Брайан Пирс и Майкл Вудхаус в *“A History of Communism in Britain”* (1995) добавляют недостающий элемент, который имеет основополагающее значение для полного понимания событий. В 1926 году «отдельные коммунисты играли важную роль», но «партия не предпринимала самостоятельных действий». Это было связано с «её слабостью и неспособностью про-

тивостоять давлению в направлении», происходящей в те годы «сталинизации международного коммунистического движения».

Компартия Великобритании (КПВ) оказалась в клетке *Англо-русского комитета единства*, созданного в 1925 году, что заставило её одобрить все пагубные решения профсоюзных лидеров. Создание этого комитета стало качественным скачком по сравнению с предыдущими проявлениями работы в профсоюзах: теперь это был лишь дипломатический манёвр в интересах исключительно российской внешней политики.

В 1929 году, после запутанной внутренней борьбы и взаимных отречений, руководство КПВ, которую Москва считала наиболее лояльной, на многие десятилетия было возложено на Раджани Палм Датта и Гарри Поллита – первый выступал в роли теоретика, второй – организатора. И в Англии сталинизм разогнал или унизил, записав в контрреволюционеры, даже тех энергичных и мужественных вождей и рабочих-милитантов, которые стояли у истоков партии.

Lotta comunista, март 2023 г.

1 – Карр Э. Х. История Советской России. Кн. 3. Большевистская революция, 1917–1923. Т. 3. М.: Прогресс, 1989. С. 74.
2 – Там же. С. 217.

3 – Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 41. С. 124.

Промышленная политика в США

Промышленный перезапуск Джо Байдена

Обозреватель *Washington Post* Юджин Дж. Дионн-младший в статье от 5 февраля называет президента Джо Байдена «революционером, если угодно, Рональдом Рейганом наоборот: он уводит нацию от экономических предпосылок, которые утвердились в 1980-х годах».

В связи с принятием двух законопроектов, Закона о снижении инфляции (IRA) и Закона о чипах и науке, *New York Times* от 9 августа 2022 года сообщила: «Байден подписал законопроект о промышленной политике, направленный на усиление конкуренции с Китаем». Это уже вызвало спор с Европейским союзом (см. «Противоречия внутри ЕС вокруг ответа на протекционизм США» // «Пролетарский интернационализм», февраль 2023).

Фактическая
промышленная политика

Мы рассмотрим, что означала промышленная политика для Соединённых Штатов на примере некоторых прецедентов. В американской риторике после победы Рейгана на выборах 1980 года идея промышленной политики, то есть о вмешательстве государства в формирование стратегических направлений экономического развития, было предано анафеме, поскольку это означало бы признание неспособности рыночных сил решить проблемы конкурентоспособности промышленности. В действительности, хотя это и скрывается под разными оболочками в зависимости от исторического этапа, в США всегда существовала промышленная политика, с тех пор как первый президент Джордж Вашингтон (1732–1799) поддержал план министра финансов Александра Гамильтона (1755–1804) по стимулированию производства с помощью субсидий и тарифов. Это заложено в американской традиции. Майкл Линд (31 января 2012 года) пишет: «Кто боится промышленной политики? Государственная поддержка промышленности – это американская традиция».

Посредством Стратегической оборонной инициативы (СОИ) «либерист» президент-республиканец Рейган (1911–2004), даже если на словах он это отрицал, проводил промышленную политику с огромными государственными инвестициями в научно-технические исследования в военно-промышленном комплексе, выгоду от которых получил весь частный сектор.

Тезисы *New York Times* и *Washington Post*, рупоров американского истеблишмента, вторят дебатам, которые уже имели место на рубеже 1970-х и 1980-х годов. Тогда противниками были Германия и Япония, сегодня в явном виде им выступает Китай и в неявном – Европейский союз. В те годы внутри Демократической партии группа сенаторов и учёных, получившая название «новые демократы», пыталась разработать программу действий, которая позволила бы решить глубокие проблемы промышленного упадка и внешнеэкономической конкуренции, предложив альтернативу электоральному успеху «революции Рейгана» и традиционной политике демократов, связанной с Новым курсом. Политические предложения «новых демократов» потерпели поражение перед лицом «революции Рейгана» в 1980 году и либеральной политики демократов и республиканцев последующих десятилетий.

Сейчас демократическая администрация Байдена в явном виде возобновляет промышленную политику посредством государственного вмешательства с целью поддержки отдельных отраслей, например, автомобилестроения, произ-

водства полупроводников и зелёных технологий, на которые прежде всего направлены IRA и Закон о чипах и науке.

Политика перезапуска
промышленности

Финансовый кризис 2007–2008 годов заставил переосмыслить ситуацию: именно государство, а не рынок спасло финансовую систему США и, в особенности, автомобильную промышленность. Комментируя обращение к Конгрессу о положении дел в Союзе 2011 года, *U.S. News & World Report* от 25 января того же года писал: «Обама прав, Америке нужна промышленная политика». Обама выступил с идеей партнёрства между государственным и частным секторами для инвестирования в инновации, инфраструктуру и образование. По мнению газеты, максима Рейгана «правительство – это не решенные проблемы, правительство – это проблема» больше не действовала, в связи с чем американцы должны были сделать выбор «между умным правительством и глупым правительством».

Эндрю Ливерис – бывший генеральный директор Dow Chemical, транснациональной компании с присутствием в 160 странах, оборотом в 56 миллиардов долларов и 37.800 сотрудниками. В своей книге «*Make it in America: the case for re-inventing the economy*»¹, написанной в 2011 году, он утверждает, что в то время как промышленность является во всём мире ключом к экономическому будущему, в США ей позволили деградировать; в результате якобы процветающая «постиндустриальная» экономика поставила крест на американской мечте о процветании без границ, поскольку промышленность является основой экономического роста так же, как и сфера услуг.

Тезис Ливериса заключался в том, что мир вступает в золотой век промышленности, а развитые и «развивающиеся страны», от Индии до Германии и Бразилии, имеют национальные стратегии, в которых индустриальное производство является ключом к их экономическому будущему. Они инвестируют в технологические отрасли с высокой добавленной стоимостью, такие как полупроводники и микропроцессоры для электроники, ветряные турбины и солнечные батареи для энергетики, передовые аккумуляторы и медицинские аппараты: «в этой гонке США быстро отстают». Ливерис предлагал заняться восстановлением инфраструктуры, переориентировать систему образования, сосредоточив её на естественных науках, математике и инженерии, и обвинял американскую экономическую модель в том, что она больше не является устойчивой, поскольку ортодоксальные принципы свободного рынка не работают, тогда как экономика, поддерживаемая государством, напротив, успешна. По мнению генерального директора Dow Chemical, «настало время признать, нравится нам это или нет, что нужно больше, а не меньше правительства»: «быть за правительство – это обязательное условие для того, чтобы быть за бизнес».

Критика теории
свободного рынка

Действующий министр энергетики Дженнифер М. Грэнхолм, бывший губернатор штата Мичиган (2003–2011), член переходной президентской команды Барака Обамы до его вступления в должность в январе 2009 года, вместе со своим мужем Дэном Малчерном опубликовала в 2011 году автобиографию «*A governor's story: the fight for jobs and*

America's economic future»². В ней, основываясь на своём опыте работы в администрации одного из самых важных в американской промышленной истории штатов, она выступает с предложением национальной промышленной политики. Министр энергетики заявляет, что «теория свободного рынка больше не работает», и свидетельства этому болезненны: за последнее десятилетие в США закрылось 42.000 промышленных предприятий, многие из них в Мичигане. Это массовое исчезновение промышленных рабочих мест произошло несмотря на снижение налогов и регуляторной нагрузки на бизнес. Губернаторы-республиканцы так же, как и губернаторы-демократы, проводят, по словам Грэнхолм, лицемерную и братоубийственную экономическую политику, тоже используя налоговые льготы, кредиты и отказ от регулирования для привлечения бизнеса из соседних штатов. В результате вместо сосредоточения национальных усилий на том, чтобы выиграть гонку против глобальной конкуренции, возникает конкуренция между 50 штатами США.

Мичиган может одержать верх над Индианой, Северной Каролиной или Техасом в сражении за автомобильные заводы или солнечные батареи, но по отдельности штаты не готовы к конкуренции с Мексикой, Китаем или Южной Кореей, где в игре участвуют правительства. С точки зрения Грэнхолм, настало время привести в дэбаты большую дозу реализма для защиты национальных интересов, чтобы создавать и сохранять рабочие места, поддерживать важнейшие отрасли промышленности, поощрять технологические инновации, которые обеспечат экономический рост в XXI веке. Другими словами, правительство должно иметь промышленную политику.

Учиться у Китая?

Келли Симс Гэллахер преподаёт энергетическую и экологическую политику в Школе Флетчера при Университета Тафтса. С 2014 по 2015 год она была старшим советником в Управлении по науке и технологической политике Белого дома и старшим посланником в Управлении Госдепартамента по вопросам изменения климата. Она является автором книги «*The globalization of clean energy technology: lessons from China*»³ (2017), написанной при финансовой поддержке компании BP.

Она вспоминает, что летом 2010 года, во время посещения завода по производству фотоэлектрических установок в Китае, её удивила ограниченная численность рабочей силы и очень высокая степень автоматизации без использования американского оборудования. За обедом, к своему изумлению, автор книги понял, что за соседними столиками говорят не на китайском, а на немецком языке! Немецкие техники помогали устанавливать оборудование на новой сборочной линии завода. Фотоэлектрические модули, собранные китайскими рабочими в результате производственного процесса, будут отправляться по всему миру, от Германии до Испании и США. Тезис автора заключается в том, что Китай является мировым лидером в энергетическом переходе благодаря промышленной политике правительства. По мнению Гэллахер, Китай является лабораторией, на опыте которой Соединённые Штаты должны учиться.

«Происходит ли японизация промышленной политики США?», – задаётся вопросом *Financial Times* от 29 сентября 2022 года. Именно промышленная политика Министерства международной

торговли и промышленности (MITI) лежала в основе истории японской индустриализации. Министерство реализовывало сочетание промышленной и торговой политики, которое, возможно, и сделало Японию такой неудержимой в 1970-х и 1980-х годах.

На протяжении длительного времени положительные отзывы о промышленной политике в стиле Japan Inc. как о возможности для Соединённых Штатов подвергались анафеме. Теоретически это означало бы признание того, что рыночные силы сами по себе никогда не смогут достичь желаемых результатов в этой области. Сегодня в Вашингтоне преобладает встревоженность растущей промышленной мощью Китая. *Financial Times* пишет, что хотя переход к открытой промышленной политике для Америки может быть продиктован прагматизмом, предоставление ей свободы действий, вероятно, требует, по крайней мере, некоторых идеологических изменений. Осознание китайской угрозы привело США к решению, что они не могут позволить себе использовать подход *laissez-faire* к принятию решений в частном секторе, когда дело касается национальных интересов.

Какими бы ни были риторические табу, связанные с промышленной политикой, реальность такова, что Вашингтон уже много лет проводит её в различных формах, что наиболее заметно в рамках военно-промышленного комплекса. Согласно *Financial Times*, американская сторона опасается, что возникнет технологический разрыв, который будет нелегко преодолеть.

Сигнал к пробуждению

Атлантический совет – мозговой центр, базирующийся в Вашингтоне, округ Колумбия, целью которого является продвижение американского лидерства в рамках атлантического сообщества в решении проблем XXI века. В статье от 23 июня 2021 года упоминается мысль Брайана Диза, директора Экономического совета: пандемия выявила долгосрочное истощение промышленной базы США. Подход частного сектора и государственной политики США к внутреннему производству предполагал приоритет низких краткосрочных затрат, а не безопасности, устойчивости и прочности. Это стало сигналом к пробуждению. США необходим новый подход, потребуются государственные инвестиции, поскольку рынки сами по себе не осуществят инвестиций в технологии, инновации и инфраструктуру, которые принесут пользу промышленности или её секторам в целом. По мнению Диза, ни одна компания не имеет стимула инвестировать в такие революционные технологии, которые способствуют долгосрочной экономической конкурентоспособности всей отрасли, тогда как Пекин уже осознал важность государственного капитала в создании промышленной базы.

В мировой конкуренции между державами вторжение Китая возрождает роль государственной поддержки промышленности: такова черта новой стратегической фазы и новой роли государственного капитализма.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

1 – «Сделай это в Америке: аргументы в пользу повторного изобретения экономики».

2 – «История губернатора: борьба за рабочие места и экономическое будущее Америки».

3 – «Глобализация технологий чистой энергии: уроки Китая».

Борьба с коронавирусом

Политические цифры китайской драмы

7 декабря 2022 года Китай отказался от попыток избавиться от вируса SARS-CoV-2 и официально свернул политику «динамического нулевого Covid», отменив связанные с ней ограничения и массовый контроль. 26 декабря Национальная комиссия по здравоохранению (ННС) объявила, что с 8 января статус вируса Covid-19 будет понижен с класса А до класса В. К классу А относятся такие заболевания, как чума и холера; к классу В – гепатит и ВИЧ-СПИД.

В коммюнике Комиссии, как сообщает правительственная газета *Global Times*, утверждается, что меньшая патогенность доминирующего на данный момент варианта Омикрон и уровень иммунизации населения позволяют смягчить меры в отношении болезни, которая теперь будет называться не новой коронавирусной пневмонией, а новой коронавирусной инфекцией. Благодаря этому управление связанными с ней вопросами вернётся в компетенцию врачей, которые в каждом конкретном случае будут решать, какие меры необходимо предпринять: изоляция при необходимости, дезинфекция и т. д. По мнению Комиссии, новый формат управления позволит выделить больше ресурсов на здравоохранение, особенно в до сих пор оставленных без внимания районах, таких как сельская местность.

Взрывная заражаемость

Незадолго до «либерализации» Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сообщала о примерно 11,5 млн случаев заболевания Covid-19 и 31.000 смертей в Китае по состоянию на 3 января 2020 года. С 25 декабря ННС приостановила публикацию данных о ходе эпидемии, оставив за Центром по контролю и профилактике (CDC) заболеваний в Китае задачу ежемесячно сообщать «соответствующую информацию» («Синьхуа», 26 декабря 2022). По данным ВОЗ, которая продолжает публиковать официальные данные, на начало апреля общее число заболевших превысило 99 миллионов со 121.000 смертей.

Распространение вируса было стремительным. В бюллетене, выпущенном 26 января, говорится, что эпидемия достигла своего пика через пару недель и уже к концу декабря начала идти на спад по всей стране, как в городских, так и в сельских районах: «Последняя волна эпидемии завершилась». ННС отрицает вероятность новых волн, в том числе после Праздника Весны (*Global Times*, 19 января 2023). Такие эпидемиологи, как Гао Фу, бывший директор CDC и член Академии наук, однако, указывают на возможность новых пиков с распространением на сельские районы, в которые по случаю китайского Нового года вторгаются миллионы путешественников (*China News Weekly*, 19 января 2023).

Дымовая завеса

Эпидемиологическая картина, представленная официальными цифрами, мягко говоря, необъективна. ВОЗ уже давно выступает с порицанием непрозрачности данных, поступающих из

Китая, и его нежелания делиться информацией. Более того, эти данные касаются лишь очень небольшой доли заражённых. Количество проведённых тестов резко сократилось с декабря, и, кроме того, 14 декабря ННС объявила о решении больше не сообщать о бессимптомных случаях, где положительный результат был получен лишь при проведении экспресс-теста на антиген без подтверждения молекулярным тестом, который больше не является обязательным. Учитывая большое количество людей, отказывающихся от его проведения, – заявили в ННС, – «невозможно получить точные статистические данные» (*Reuters*). Министерство иностранных дел заявило, что продолжает «делиться информацией с ВОЗ», но Мария Ван Керкхове, ответственный технический сотрудник ВОЗ по Covid, заявляет, что предоставленные данные – это лишь «минимум» (*Washington Post*, 17 января 2023).

Число смертей является столь же неопределённым. Органы здравоохранения сообщают только о тех случаях смерти от Covid, которые произошли в больнице, а не дома. Согласно свидетельствам, собранным среди медицинских работников на местах, в больницах и в местных сообществах, чиновники препятствуют указанию Covid в свидетельствах о смерти, в то время как очереди в больницах и крематориях становятся всё длиннее (*Financial Times*, 21 января 2023).

Остаются оценки. Сунь Ян, заместитель директора CDC, считает, что только за первые 20 дней декабря коронавирусом заразились 250 миллионов человек (*Financial Times*, 25 декабря). По мнению китайских чиновников и экспертов в области здравоохранения, во многих крупных городах в начале года большинство населения уже было затронуто вирусом: в Шанхае – 70 %, в Пекине – 80 % (*The Economist*, 7 января 2023). Кань Цюаньчэн, директор Комиссии по здравоохранению провинции Хэнань, заявил на пресс-конференции, что по состоянию на 6 января 90 % населения провинции уже могли быть инфицированы (*Il Sole-24 Ore*, 10 января 2023). Группа исследователей из Пекинского университета подсчитала, что по состоянию на 11 января заражённых было 900 миллионов (*The Economist*, 21 января 2023).

Китайские дилеммы

В мае 2022 года, в разгар вспышки эпидемии, газета *Financial Times* сообщила об обеспокоенности китайских чиновников и политиков «экономическими последствиями бесконечных локдаунов». Они опасались губительных экономических потерь, вызванных производственной и торговой деятельностью, и того, что расходы на тесты, карантины и т. п., которые несут местные органы власти, могут стать непосильными. Чрезвычайная заразность Омикрона, возможно, стала дополнительным фактором, разрушившим «стратегию нулевой терпимости по отношению к Covid». По мнению некоторых, китайское руководство – в том числе и Си Цзиньпин – не было полностью информировано

о реальном ущербе для экономики (2 мая 2022). Напряжённость и противоречия в рядах руководства, усугубленные управлением пандемией, имели потенциал «нарушить хрупкую систему альянсов» в преддверии партийного съезда (9 мая 2022).

Западная пресса часто изображала упорное следование Китаем стратегии «нулевой терпимости по отношению к Covid», несмотря на экономический ущерб и народные протесты, как личный «крестовый поход» президента Си, попавшего в ловушку собственной риторики о «превосходстве» китайского «порядка» над западным «хаосом». Правительство связало свою репутацию и собственную легитимность с успехом стратегии «человек превыше всего, жизнь превыше всего». Проблема, возможно, является более сложной.

Объявленные риски

В мае прошлого года большая группа исследователей из Фуданьского университета в Шанхае, при участии двух учёных из Национального института здоровья в Бетесде и Университета Индианы, начала разрабатывать вопрос, «может ли эта политика [динамической нулевой терпимости по отношению к Covid] оставаться в силе и как долго».

В исследовании оценивались риски изменения стратегии и прогнозируемые последствия неконтролируемой циркуляции SARS-CoV-2. По мнению авторов, даже с учётом более низкой летальности доминирующего в настоящее время варианта Омикрон, в случае отмены ограничительных мер, учитывая низкий уровень охвата вакцинацией, особенно среди пожилого населения, и нехватку противовирусных препаратов, следует ожидать инфекционного «цунами», которое захлестнёт систему здравоохранения. В базовом сценарии статистические модели предсказывали 112 миллионов случаев появления симптомов, более 5 миллионов госпитализаций, 2,7 миллиона госпитализаций в отделения интенсивной терапии и 1,6 миллиона смертей в течение шести месяцев – с основным всплеском заболеваемости в период с мая по июль. Система здравоохранения была бы перегружена. На пике эпидемии потребность в койках для лечения респираторных заболеваний составила бы 1,57 млн, что ниже, чем существующие возможности (3,1 млн из 9,1 млн всех больничных коек). Потребность в койках интенсивной терапии достигла бы 1 миллиона, что в 15,6 раза превышает существующие возможности (64.000), причём больше всего пострадали бы крупные города («Modeling transmission of SARS-CoV-2 Omicron in China» // *Nature Medicine*, 10 мая 2022).

В исследовании рассматривались различные сценарии, которые можно было бы предусмотреть при принятии мер по смягчению последствий эпидемии: повышение уровня вакцинации среди пожилого населения, увеличение использования импортных противовирусных препаратов и сохранение «нелекарственных мер», т. е. ограничений. Авторы пришли к выводу, что только «комбинация» трёх различных стратегий могла

бы предотвратить коллапс системы здравоохранения и удержать количество смертей в пределах сезонных колебаний, связанных с гриппом.

Оценки катастрофы

Поворотный момент в управлении пандемией был связан с населением, которое в основном ещё не контактировало с вирусом и было недостаточно вакцинировано, тогда как система здравоохранения по-прежнему не справлялась с нагрузкой. К концу ноября, согласно официальным данным ННС, две дозы вакцины, лицензированной в Китае, получили 69 % людей в возрасте 60 лет и старше, в то время как для достижения необходимого уровня защиты от тяжёлых форм заболевания, сравнимого с уровнем, достигаемым при использовании западных мРНК-вакцин, требуется дополнительная бустерная доза. С 2020 года больничная инфраструктура была укреплена: количество коек интенсивной терапии, по данным ННС, удвоилось и достигло 138.000, однако сохраняется серьёзный дисбаланс между городскими и сельскими районами, а также крайняя нехватка медицинского и сестринского персонала. Чжэнмин Чэнь, профессор эпидемиологии Оксфордского университета, полагает, что «Китай не сделал достаточно для подготовки к снятию ограничений» (*The Lancet*, 16 декабря 2022).

В условиях непрозрачности официальных данных лучшие аналитические центры попытались оценить последствия изменения стратегии. Статистическая модель Института показателей и оценки здоровья (IHME) в Вашингтоне предсказала более одного миллиона смертей в течение 2023 года (*The Lancet*, январь 2023).

Крупная западная пресса систематически призывала отказаться от китайской политики сдерживания пандемии из-за экономических последствий, которые вылились даже за пределы границ Дракона. Комментарий о «капитуляции» перед вирусом теперь выдают то, что немцы называют *Schadenfreude* – злорадное удовлетворение от того, что даже авторитарная китайская система была побеждена вирусом. Факт остаётся фактом: из 6,9 миллионов официально подтверждённых смертей в мире по состоянию на 12 апреля 2,5 миллиона приходится на Европейский Союз, Великобританию и США вместе взятые, что соответствует 37 % при менее чем 11 % населения мира. Согласно *The Lancet* (январь 2023 года), политика закрытия Китая «защитила наиболее уязвимые группы его населения от пяти глобальных волн», включая смертоносный вариант Дельта. Английский *The Economist* называет линию Пекина «неудачной стратегией», но признаёт, что «нулевая терпимость по отношению к Covid была, по сути, гигантским экспериментом, исходящим из утилитарных целей. В огромной стране со слабой системой здравоохранения строгий, часто необоснованный контроль вируса спас человеческие жизни».

Lotta comunista, апрель 2023 г.

Атом и индустриализация науки

Первые шаги британской атомной бомбы

3 октября 1952 года на острове в Западной Австралии Великобритания взорвала свою первую атомную бомбу, став третьей ядерной державой после Соединённых Штатов и СССР.

Первоначальный скептицизм

В первой половине XX-го века Великобритания была одной из великих научных держав: с 1901 по 1945 год в ней произошло 56 значимых событий в области физики по сравнению с 43-мя в США и 36-ю в Германии (Edgerton D. *Science in the United Kingdom*, 1997). Использование этого британского научного капитала, представленного многими лауреатами Нобелевской премии, сыграло решающую роль в разработке американской атомной бомбы («Манхэттенском проекте»).

В 1939 году эксперименты французца Фредерика Жолио-Кюри (1900–1958) по высвобождению вторичных нейтронов при делении ядер сделали возможной проведение цепной реакции, что привлекло внимание британца Джорджа Паджета Томсона (1892–1975). Незадолго до этого, в 1937 году, Джордж Томсон, будучи профессором Имперского колледжа при Лондонском университете, получил Нобелевскую премию за демонстрацию корпускулярно-волнового дуализма электрона. Отцом Джорджа был Джозеф Джон Томсон (1856–1940) – первооткрыватель электрона, получивший за это в 1906 году Нобелевскую премию по физике.

Через несколько часов после публикации результатов французской группы специалистов в журнале *Nature* 19 марта 1939 года Томсон начал оказывать давление на британское правительство с тем, чтобы оно предоставило ему все имеющиеся запасы урана. В Имперском колледже Томсон также начал работать над возможностью использования деления атомных ядер для создания атомной бомбы.

В апреле 1939 года Нильс Бор (1885–1962), один из основателей квантовой физики и лауреат Нобелевской премии по физике 1922 года, обратил внимание на одну проблему: теоретически можно было создать бомбу на основе изотопа U^{235} , ядра атомов которого подверглись бы делению, однако U^{235} составляет лишь 0,7 % урановой руды и не может быть отделён химически от остальных 99,3 %, состоящих из изотопа U^{238} , и чтобы разделить их физическими средствами, по мнению Бора, «потребовались бы усилия целой нации» (Baggott J. *Atomic. The First War of Physics*, 2009).

1 сентября 1939 года, в день вторжения нацистских войск в Польшу и за два дня до объявления Великобританией войны Германии, Бор и американский физик-теоретик Джон Уилер (1911–2008) опубликовали работу, в которой представили теоретическое обоснование своих утверждений о природной нехватке расщепляющегося изотопа U^{235} и трудности его отделения от нерасщепляющегося U^{238} . Эта статья в сочетании с неутешительными результатами работы Томсона в Имперском колледже Лондона укрепила идею о том, что использование деления ядер атомов для военных целей не является приоритетом.

Влияние учёных-иммигрантов

В своей книге 2005 года *“Before the Fall-Out”* Диана Престон пишет, что в

1940 году существовала особая «субъектность» некоторых учёных, которые бежали из нацистской Германии, пытаясь привлечь внимание к возможности создания атомной бомбы: Лео Силард (1898–1964), Отто Фриш (1904–1979), Рудольф Пайерлс (1907–1995) и Джозеф Ротблат (1908–2005). Их решимость создать бомбу была результатом личного опыта как еврейских жертв нацистского расизма. Они боялись, что если у Адольфа Гитлера будет «супербомба», то он применит её без каких-либо моральных колебаний. Несколько лет спустя, в 1945 году, в Хиросиме и Нагасаки США доказали, что в случае войны не только фашистские, но и демократические режимы не испытывают никаких моральных колебаний при использовании имеющегося в их распоряжении оружия.

Однако есть ещё один элемент, который лёг в основу того, что евреи, иммигрировавшие в Великобританию, сыграли такую значительную роль в разработке атомной бомбы. В Великобритании в связи с немецкой воздушной угрозой приоритетными стали исследования в области микроволновой технологии, поскольку она была ключом к разработке радаров. По соображениям безопасности иммигранты были исключены из этого приоритетного проекта и перенаправлены на второстепенные, как считалось, исследования деления ядра урана и цепной реакции.

В Ливерпульском университете польско-еврейский физик Ротблат, прибывший в Англию весной 1939 года, стал протеем Джеймса Чедвика (1891–1974), первооткрывателя нейтрона, лауреата Нобелевской премии по физике 1935 года, и учеником другого великого физика – одного из главных основателей ядерной физики, Эрнеста Резерфорда (1871–1937), лауреата Нобелевской премии по химии 1908 года.

В августе 1939 года Ротблат пришёл к выводу о возможности создания атомной бомбы, а также о том, что к тем же результатам могли прийти и немецкие учёные. Он считал, что «единственный способ помешать немцам использовать её против нас – это самим иметь бомбу и угрожать возмездием». Это была концепция сдерживания. Ротблат посоветовал Чедвику: «Мы должны начать работу над бомбой». Первая реакция последнего была осторожной, и его мнение разделяло большинство британского научного сообщества.

Эдвард Эплтон (1892–1965) был коллегой Чедвика по Кавендишской лаборатории, занимал пост секретаря Департамента научных и промышленных исследований, а впоследствии стал Нобелевским лауреатом по физике 1947 года. В октябре 1939 года Эплтон попросил Чедвика высказать свои соображения по этому вопросу. Ответ последнего состоял в том, что, хотя цепная реакция деления теоретически возможна, маловероятно, что это осуществимо во взрывном устройстве. В конце ноября Ротблат представил Чедвику результаты своих исследований: создание атомной бомбы было возможно, поскольку цепная реакция могла быть запущена быстрыми нейтронами U^{235} .

Начало британской ядерной программы

В дополнение к экспериментальным данным Ротבלата именно война изме-

нила мнение Чедвика об атомной бомбе, как он позже признал. Чедвик сообщил Эплтону о своих новых выводах: «Кажется вероятным, что деление может быть развито во взрывной процесс при соответствующих условиях».

Эти тревожные результаты заставили британское правительство централизовать все исследования в области урана и деления ядер в Air Defence Research Committee под председательством Генри Тизарда (1885–1959), тогдашнего ректора Имперского колледжа Лондона. Тем не менее ещё весной 1940 года Тизард и его сотрудники не были уверены в том, что ядерные исследования имеют какую-либо ценность для военных действий, но записка, переданная Марку Олифанту в его эмигрантском отделе двумя учёными еврейского происхождения Фришем и Пайерлсом, резко изменила ситуацию.

Весной 1937 года Олифант посоветовал Пайерлсу подать заявку на кафедру математики в Бирмингемском университете, которую тот и получил. В 1939 году по приглашению Олифанта в Бирмингемский университет приехал Фриш.

Фриш был австрийско-еврейским физиком, который вместе со своей тёткой Лизой Мейтнер (1878–1968) правильно интерпретировал механизм деления ядер, который был реализован в Риме Энрико Ферми и воспроизведён в Берлине немцами Отто Ганом (1879–1968) и Фрицем Штрассманом (1902–1980). Поскольку большая часть работы Олифанта в Бирмингеме была связана с разработкой радара, Фриш и Пайерлс были переклещены на ядерные исследования из-за правил национальной безопасности.

Результатом их работы стал «Меморандум Фриша – Пайерлса»: двое учёных определили критическую массу для поддержания цепной реакции деления U^{235} размером с мяч гольфа и массой 700 граммов. Раз для создания ядерного устройства требовалось менее килограмма U^{235} , а не тонна, как ранее думала команда Жолио-Кюри, то создание бомбы было технически возможно. Эти расчёты, которые, как выяснилось позже, ошибались на целый порядок, вызвали у британских властей страх перед возможным появлением немецкой атомной бомбы: Лондон находился недалеко от Германии и мог быть уничтожен одной бомбой¹.

«Меморандум Фриша – Пайерлса» стал первым документом, научно продемонстрировавшим реальную возможность создания атомной бомбы, и был передан в марте 1940 года Олифантом Генри Тизарду.

Тем временем в Европе Дания была оккупирована нацистской Германией 9 апреля 1940 года. Бор попросил ректора Копенгагенского университета и членов датского правительства защитить еврейских учёных своего Института теоретической физики. Некоторые из этих учёных действительно были евреями и спаслись от расовых преследований в других странах. Американское посольство предложило Бору и его семье убежище в США, но датский физик, зная, что его еврейской матери грозит депортация, решил остаться в Дании.

Рождение Комитета MAUD

Лиза Мейтнер приехала в Копенгаген за 12 часов до того, как Германия

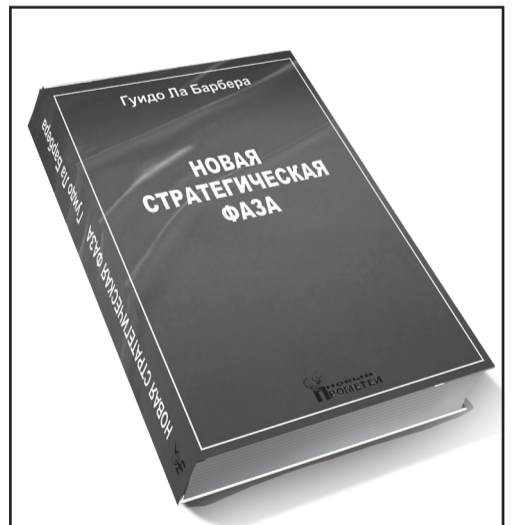
оккупировала Данию. В первый период оккупации немцы предоставили датчанам некоторую степень самоуправления, и это дало Мейтнер, несмотря на тот факт, что она была еврейкой, возможность безопасно остаться в Копенгагене на три недели и встретиться с Бором. Вернувшись в Стокгольм, она послала телеграмму одному из своих друзей, британскому физико-Оуэну Ричардсону (1879–1959), в которой писала: «Встретилась с Нильсом и Маргретой [женой Бора], оба здоровы, но недовольны событиями, пожалуйста, сообщите Кокрофту и Мод Рэй Кент».

Ричардсон передал телеграмму Джону Кокрофту (1897–1967), нобелевскому лауреату по физике 1951 года, и тот пришёл к выводу, что слова Мейтнер содержат скрытое сообщение; он с тревогой выразил своё беспокойство Чедвику, и тот истолковал, что слова «Maud Ray Kent» означают «уран взят». Кокрофт считал, что в таком закодированном виде Мейтнер передала британцам информацию о том, что немцы начали программу по созданию атомной бомбы. Только позже стало известно, что Мод Рэй – это имя бывшей гувернантки детей Бора, проживавшей в Кенте (Preston D. Op. cit.).

Телеграмма Мейтнер дала кодовое название группе, созданной в апреле 1940 года британским правительством для рассмотрения возможности создания урановой бомбы в ответ на «Меморандум Фриша – Пайерлса»: так родился Комитет MAUD. Многие из тех, кто был связан с новым комитетом, были убеждены, что это означает «Military Applications of Uranium Disintegration» («Военное применение дезинтеграции урана»). После преодоления первоначальной неопределённости британская ядерная программа начала осуществляться.

Lotta comunista, март 2022 г.

1 – «Война физиков» за первые атомные бомбы // Пролетарский интернационализм. 2022. Октябрь. № 97. Приложение. С. II.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт,
4 карты, хронология, библиография,
биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Пограничники

«Наёмные работники поняли, что рабочая сила стала дефицитным товаром», – так *Handelsblatt* от 27 марта прокомментировала «мегазабастовку» в транспортной сфере Германии.

Чтобы приобрести это осознание, не нужно обладать политической совестью, достаточно практического опыта работы законов рынка. Необходим сильный *тред-юнионистский* профсоюз, который воспользуется этой ситуацией для защиты условий труда своих членов.

Немецкая забастовка

Результатом стала одновременная забастовка государственных служащих профсоюза *Ver.Di* и железнодорожников *EVG*: она парализовала Германию, на 24 часа заблокировав железные дороги, аэропорты, шоссе, местный транспорт и навигацию, чего не было десятилетиями.

В конце апреля по согласованию с *Ver.Di* повторилась схема, уже применявшаяся в отношении химиков и машиностроителей: производится *единовременная* необлагаемая налогом выплата 3 тыс. евро в качестве «инфляционной премии», а повышение зарплаты переносится на март 2024 года (сначала на 200 базовых евро, затем на 5,5 % при общем минимуме в 340 евро).

Handelsblatt от 24 апреля подсчитала, что в среднем прирост составит 11 %, и это соответствует тому, что было запрошено. С другой стороны, минимальная надбавка к низкой заработной плате (340 евро вместо 500 евро) и, прежде всего, продолжительность контракта, который теперь будет заключаться на 2 года, не соответствуют запросам. Тем не менее это остаётся самым большим увеличением зарплаты за последние десятилетия. На данный момент железнодорожники *EVG* продолжают требовать повышения на 12 % при минимальной сумме в 650 евро.

Связь между требованиями в отношении заработной платы и нехваткой рабочей силы в настоящее время повторяется на всех широтах. В Германии говорят о «социальной *Zeitenwende*», парафразируя «смену эпохи» в международных отношениях, на которую обратил внимание Олаф Шольц.

Социальная *Zeitenwende*

Марсель Фратшер из *Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW)* заявляет о необходимости пересмотреть экономическую модель, предложенную канцлером Герхардом Шрёдером в первом десятилетии века и подразумевающую в качестве неотъемлемого компонента высокой немецкой производительности большой сектор низкооплачиваемых рабочих: ещё в 2018 году менее 20,7 % немецких работников получали менее 60 % от средней заработной платы по сравнению с 8,6 % во Франции. В сегодняшних условиях высокой инфляции и растущей нехватки рабочей силы эта модель больше не может поддерживаться (*Volkskrant*, 28.03.2023). По крайней мере для всех.

Глава профсоюза *Ver.Di* Франк Вернеке также подчеркнул это сочетание факторов: в контракте на 2020 год рост заработной платы составлял 3,2 %, но в 2022 году инфляция выросла на 11 %, а в 2023 году останется на уровне не менее 6 %, поэтому запросы профсоюза не были чрезмерными, кроме того, «сейчас ситуация на рынке труда меняется, везде ощущается нехватка рабочей силы, дует ветер и появляется новое осознание». «Имеется новое осознание» – именно та-

кой заголовок выбрала *Die Zeit* от 23 марта для интервью с Вернеке.

Мы уже имели возможность отметить, что, к примеру, длительный характер борьбы в Великобритании, особенно в секторе здравоохранения, был обусловлен нехваткой персонала, врачей, медсестёр и работников скорой помощи. Ещё в апреле молодые врачи и стажёры бастовали 4 дня, требуя вернуть зарплату на уровень 2008 года, что показательно с точки зрения её динамики за последние 15 лет.

Хотя и не напрямую, но мобилизация и французских рабочих против увеличения пенсионного возраста подпитывается давлением, создаваемым дефицитом рабочей силы в группах трудоспособного возраста.

Борьба и организация

Однако не везде этот рычаг используется с должной энергией. Так обстоит дело в Италии, где нехватка рабочей силы, конечно, немалая, но момент борьбы рабочих за свои требования запаздывает. Хвалёная кампания против правительственных мер в конечном итоге запуталась в спорах между профсоюзными организациями и может перерасти в собрания на рабочих местах и субботние демонстрации.

С другой стороны, насколько необходима эффективная борьба, демонстрируют данные об инфляции: в 2022 году заработная плата выросла на 1,1 %, цены – в восемь раз (*la Repubblica*, 06.04.2023). Учитывая, что 7,9 млн из 13,7 млн работников частного сектора всё ещё должны продлевать свои контракты, вероятно, наступило время нанести удар.

Кроме того, немецкий пример показывает и другой аспект: борьба является основным способом вербовки новых членов и увеличения организационной силы профсоюза. Вице-президент *Ver.Di* Кристина Беле отмечает, что «для многих теперь ясно, для чего нужны профсоюзы», и приводит данные о приёме 70 тыс. новых членов с начала года. На это стоит обратить внимание.

Другой стороной нехватки рабочей силы является необходимость прибегать к помощи иммигрантов. Предприниматели прямо просят об этом. Президент Конфедерации восточной части региона Венеция Леопольдо Дестро отмечает, что «демографическая зима сказывается не только на рождаемости, но и (как следствие) на производственных сегментах» (*Corriere del Veneto*, 31.03.2023). Его ассоциация, уже предвидя наличие большого количества рабочей силы, готовой к эксплуатации, просит, чтобы временные разрешения на работу предоставлялись в том числе и тем, кто прибывает в Италию на барках.

Президент ассоциации строителей железных дорог *Anseferg* Вито Мичели предлагает заключить контракт на размещение беженцев на строительных площадках *PNRR* – Национального плана восстановления и обеспечения устойчивости (*la Repubblica*, 06.03.2023). Но есть и трудности с наймом иностранных технических специалистов: его тормозит отсутствие признанной квалификации, даже если эти работники обладают полезным для компаний опытом (*Avvenire*, 31.03.2023).

Правительства и иммигранты: слова и дела

Правительства вынуждены адаптироваться. Некоторые из них уже предпринимают конкретные действия, например,

В поздней Римской империи охрану *лимесов* несли племена франков, объединившиеся и создавшие Галлию, на Дунае это делали готы до того, как вторжения азиатских или германских племён, знаменующих для германцев эпоху *великого переселения народов*, захлестнули Рим. В Средней империи, т. е. тысячелетнем Китае, охранниками были царства-данники, такие как Корея. В Габсбургской империи охраной границ от османов занималась *Краины* – поселения вооружённых славянских поселенцев.

Эта практика империй, доверявших охрану своих границ со всей её грязной работой внешним пограничным областям, уходит своими корнями в века, если не тысячелетия. Поэтому неудивительно слышать сегодня, перед лицом миграционной коллизии, что границы Европы проходят по южному берегу Средиземного моря – в Турции, Сирии, Египте, Тунисе, Марокко и т. д. Сегодня к этому списку должен быть добавлен полыхающий Судан, где ЕС платила местным ополченцам Мухаммеда Хамдана Дагло, чтобы они задерживали и изгоняли мигрантов с Африканского рога обратно в пустынный регион Дарфур.

Для нас очевидны две вещи. Во-первых, нет более отвратительной лжи, чем та, которая пытается выдать Евросоюз за *доброжелательный империализм*, экспортёра хороших манер, законов и правил мирного сосуществования. *Лимесы* Европы усеяны концлагерями, управляемыми деспотами и головорезами, которые в лучшем случае получают зарплату как пограничники, а в худшем – сажают в тюрьмы и накладывают дань на сотни тысяч отчаявшихся людей, пытая, насилуя и шантажируя семьи, при полном попустительстве ЕС. Во-вторых, у стареющей Европы, находящейся в удушающих объёмах демографической зимы, нет альтернативы тому, чтобы принимать всё более впечатляющие миграционные потоки. Италия с её 6–7 млн иммигрантов должна удвоить эти цифры, если она намерена решить проблему дефицита рабочей силы; правительство и оппозиция в рамках их политики пытаются заикаться о пронаталистской политике, которую они не в состоянии реализовать и которая в любом случае не сможет заполнить пропасти, уже образовавшиеся на рынке рабочей силы, и заигрывают с ксенофобскими и охранительными страхами. Католики с их оптимизмом, всегда присутствующем в мифе о социальном примирении, рассчитывают на *метисацию*, которая в любом случае потребует времени поколений, а тем временем заставляет расистскую демагогию кричать об *этническом замещении*. Между тем реальный мир – это мир, где де-факто происходит сегрегация в оплате труда миллионов рабочих. Единственным жизнеспособным принципом является классовое единство. Необходимо интернационалистское сражение против любой дискриминации по признаку этнической принадлежности, национальности или религии; борьба за коммунистическое общество, свободное от эксплуатации и всякого угнетения. Другого пути нет.

в Германии, где Федеральное агентство занятости насчитало почти 2 млн вакансий по состоянию на конец 2022 года. Правительство одобрило закон об иммиграции квалифицированной рабочей силы, который должен увеличить приток иммигрантов на 75 тыс. в год, что, впрочем, далеко от необходимых 400 тысяч. Министр внутренних дел Нэнси Фезер призывает «сделать Германию более привлекательной», указывая на реальную проблему «новой эры» – конкуренцию за привлечение иностранных рабочих.

В Италии всё ограничивается только словами, по крайней мере пока. Министр внутренних дел, обращаясь к венецианским промышленникам, утверждает, что «это правительство непредвзято принимает во внимание дополнительные цифры». В остальном, в *Click day*¹ 27 марта количество запросов почти в три раза превышало 82,7 тыс. доступных мест. Но это, похоже, не та «чрезвычайная ситуация», о которой говорится в последнем постановлении правительства.

Два лица рынка

Но есть тенденция, противоречащая общей динамике рынка труда, и это насущный запрос на сокращение работников в секторах, которые связаны с высокими технологиями и сегодня вынуждены иметь дело с упадком своего бизнеса после нескольких золотых (для них) лет пандемии.

Accenture хочет сократить 19 тыс. рабочих мест по всему миру, то есть 2,5 % своей рабочей силы; Amazon – дополнительно 9 тыс. человек, после 18 тыс., уволенных в конце года; Meta (материнская компания Facebook) объявила о второй волне сокращений в 10 тыс. сотрудников; Google уволит 12 тыс. человек; Ericsson планирует сократить 8,5 тыс. работников; Twitter Илона Маска сократит свой штат с 8 тыс. до 1,5 тыс. сотрудников. В целом в США в начале 2023 года в этом секторе было сокращено 60 тыс. рабочих мест после 160 тыс. в 2022 году. В Италии ожидается 1 тыс. сокращений в Vodafone, 1,2 тыс. в Sky, 123 в Italtel. Есть сокращения рабочих мест и в финансовом и автомобильном секторах. Неслучайно в Германии *IG Metall* начал обсуждать сокращение рабочей недели до 32 часов (4 дней) для следующего контракта с металлургами.

Будет больше официантов и строителей и меньше сотрудников банков и IT-консультантов, но также меньше автомобильных рабочих и больше инженеров и техников. Это рынок: никто не может чувствовать себя в безопасности. Лучше понимать это и организовываться.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

1 – День, в который мигранты могут отправить запрос в электронной форме для получения вида на жительство.

Байден идёт на конфликт с трибуналом ВТО

В начале своего президентства Джо Байден заявил миру: «Америка вернётся». Белый дом пообещал восстановить союзы и возобновить руководство многосторонними институтами после агрессивного и хаотичного периода Дональда Трампа.

В сфере мировой торговли, на наш взгляд, *возвращение Америки* подразумевало выполнение ею как минимум двух предварительных условий: возвращение в Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) и разблокировка трибунала ВТО. Однако на обоих фронтах Байден пока подтверждает и частично подчёркивает унилатерализм Трампа.

Женева против Вашингтона

Вместо того, чтобы вернуться в ТТП, как требуют основные бизнес-организации и центры стратегических исследований в Вашингтоне, Байден решил начать новые переговоры по поводу Индо-Тихоокеанской экономической структуры (Indo-Pacific Economic Framework, IPEF), которую мы несколько месяцев назад описали как довольно хрупкую и бесформенную альтернативу.

Что касается Всемирной торговой организации (ВТО), то Байден сохранил американское право вето на назначение новых судей в Апелляционный орган, бойкот которого предпринял ещё президент Барак Обама. Тем не менее продолжает функционировать главная инстанция системы – Орган по разрешению споров, за последние годы принявший несколько беспрецедентных решений.

9 декабря был обнародован наиболее политически смелый приговор, признавший тарифы США на импорт стали и алюминия нелегитимными. Эти протекционистские меры, введённые Трампом, а также те, что были развёрнуты против китайских товаров, в целом были подтверждены Байденом, за исключением тех, относительно которых с такими союзниками, как ЕС, Великобритания и Япония, были заключены временные перемирия. Важнейшей спецификой пошлин на сталь и алюминий является то, что США обосновывают их введение соображениями национальной безопасности, используя исключение, предусмотренное договорами ВТО. Принимаемая юридические возражения Китая и других «пострадавших» наций, женеvские юристы отрицают справедливость этого аргумента, поскольку меры не были приняты «во время войны или другого чрезвычайного положения в международных отношениях».

ВТО в ловушке

В столкновении между США и ВТО есть что-то парадоксальное, как в ситуации, когда инженера сбивает машина, которую он сам же и сконструировал. Более того, это похоже на несчастный случай, который мы наблюдаем, будто в замедленной съёмке, – он стал предсказуемым результатом траектории, складывавшейся на протяжении многих лет.

Когда Трамп обнародовал эти тарифы в 2017 году, то столкнулся с оппозицией со стороны основных экономических и политических сил США. На чисто торговом уровне тарифы подверглись критике из-за того, что они увеличивали стоимость импорта двух основных видов сырья и в целом были невыгодны американской производственной системе. Прежде всего, тарифные наступления

Трампа считались качественным скачком, своего рода «ядерным вариантом», именно потому, что они создавали риск возникновения разногласий между Соединёнными Штатами и ВТО – институтом, который был их детищем.

Шок мог обрушить один из столпов существующего миропорядка. Фактически в процессе разыгрывания Трампом политически чувствительной карты национальной безопасности трибунал ВТО оказался между молотом и наковальней, то есть был вынужден выбирать между юридическим прикрытием явно протекционистских тарифов или вызовом Вашингтону в отношении такого важнейшего атрибута, как государственный суверенитет. Когда Трамп в 2018 году формализовал тарифы, противостояние истеблишмента и внутреннее столкновение в Белом доме обострились до символической отставки главы Национального экономического совета и бывшего президента Goldman Sachs Гэри Кона, вступление которого в администрацию Трампа рассматривалось Уолл-Стрит как крупное событие, дающее президенту определённый кредит доверия.

Два прецедента

Тем не менее Кон вместе с советником по национальной безопасности Гербертом Макмастером опубликовал в *Wall Street Journal* первый манифест американского унилатерализма, заявив, что «мир – это не «глобальное сообщество», а арена» для конкуренции между государствами и экономическими группами. Подтвердив тот факт, что империалистические державы используют одновременно и протекционизм, и либеризм в их различных градациях, агрессивная дозировка Кона не зашла так далеко, чтобы прибегнуть к неизбежному пошланию, которые вытаскивали бы на эту арену даже судью ВТО.

Однажды втянутый в столкновение, женеvский суд, похоже, решил дать бой. В 2019 году в споре между Россией и Украиной ВТО впервые в истории заявила о том, что оценка правомерности использования исключения в виде национальной безопасности находится в её юрисдикции. Беспрецедентное решение было подтверждено в следующем году в ходе судебного разбирательства между Саудовской Аравией и Катаром. По мнению некоторых аналитиков, занимая эти позиции, судьи в Женеве готовились отклонить американские тарифы. Это должно было стать двойным ударом, учитывая, что именно практика рассмотрения юридических прецедентов, формально необязательных, но очень показательных, является одной из причин отречения Вашингтона от судебной власти ВТО.

Комментируя эти приговоры, мы предположили, что возможное столкновение с США стало бы проверкой полномочий ВТО – этого всё ещё относительно молодого института, по отношению к которому Штаты практикуют очень частичную и неоднозначную передачу суверенитета. Сегодня открытая конфронтация с США приближает эту проверку.

Удаление судьи?

Получив шах, ВТО, наконец, выступила против Соединённых Штатов, видимо, посчитав, что юридический принцип

должен преобладать над политическим реализмом. На момент написания статьи генеральный директор Нгози Оконджо-Ивеала ещё не заняла какой-либо позиции, но её предшественник Роберту Азеведу заявил, что очень опасно решать исключительно стратегические вопросы, такие как безопасность государств, с помощью юридических технических средств.

Наиболее существенным аспектом, если он подтвердится, является медленная ликвидаторская реакция американского правительства, которое в кратком заявлении написало, что «*решительно отвергает неправильное толкование и выводы*» ВТО и не намерено отменять пошлины. «*Соединённые Штаты уже более 70 лет придерживаются чёткой и недвусмысленной позиции, согласно которой вопросы национальной безопасности не могут рассматриваться*» женеvскими судьями. Тем более что ВТО так и не удалось покончить с избыточными производственными мощностями Китая, представляющими «угрозу» сталелитейной промышленности и национальной безопасности США.

В балагане протекционистского реллинга Трампа было непростое отличить настоящие удары от фальшивых, кровь от томатного соуса, но при этом было видно, что у судьи ВТО появился синяк под глазом, а сегодня в конфликте с администрацией Байдена судью, возможно, ждёт ещё худшая участь. В нескольких комментариях высказывается предположение, что Белый дом готовится проигнорировать предсказуемый отказ ВТО от протекционистских инициатив, выдвинутых нынешним президентом и касающихся, в частности, чипов и электромобилей. Чистая правда, что результат борьбы вокруг инициатив в этих важнейших промышленных отраслях станет важной проверкой степени и направленности протекционизма США в этой фазе стратегической конкуренции. С другой стороны, сомнительно, что Вашингтон захочет полностью отказаться от ВТО, вступив в лобовую конфронтацию с такими союзниками, как ЕС и Япония. По крайней мере это противоречило бы кампании Байдена по продвижению френдшипинга – желанных продуктивных консорциумов между дружественными странами.

Неоднозначность Европы

Представитель Китая в ВТО Ли Чэнган непринуждённо напоминает, что, вступив в должность, Байден пообещал возродить мировой порядок, поддержав его «силой примера». Вместо этого США продолжают нарушать международные правила во имя принципа «*America first*». Посол Ли приходит к выводу, что «*Соединённые Штаты явно являются разрушителем многосторонней торговой системы*».

Обличения американского унилатерализма вновь поднимаются на первые полосы китайской прессы, тогда как в европейских и англо-саксонских газетах они почти отсутствуют. В ЕС, вероятно, возникло некоторое смущение по поводу позиции Еврокомиссии, которая изначально в судебном процессе ВТО против тарифов Трампа была на стороне Китая, но вышла из этого процесса после переговоров о временном перемирии с действующей адми-

нистрацией США. Соглашение, которое было достигнуто в октябре 2021 года председателем комиссии Урсолой фон дер Ляйен и Байденом в кулуарах G20 в Риме, заменило тарифы системой квот и, следовательно, не восстановило условия свободной торговли.

Избегая комментировать приговор, отвергнутый США, посол ЕС в ВТО Жуан Агиар Мачаду 14 декабря обратился к Байдену с просьбой уважать обязательство, взятое в июне прошлого года на последней министерской конференции в Женеве, в пользу проведения реформы организации. Формально это обязательство было подтверждено американским послом Марией Паган, но все соглашаются с реформой ВТО только потому, что это пустой лозунг. На сегодняшний день не видно никакого жизнеспособного понимания или компромисса относительно содержания и целей этой реформы.

Дрейф ВТО

В США раздаются либеристские голоса, очень разочарованные тем, что Байден демонстрирует полную преемственность с протекционизмом Трампа. Первым из них является голос бывшего председателя Апелляционного органа ВТО, ныне работающего в Институте Катона, Джеймса Бахуса. По его мнению, существует риск «конца многосторонней торговой системы». Однако «*администрацию Байдена, похоже, не волнует потенциально катастрофический исход её непримиримой позиции*», поскольку она ориентирована на краткосрочный электральный успех и, в частности, на протекционистские интересы только трёх колеблющихся штатов: Пенсильвании, Мичигана и Висконсина.

В том числе и те, кто настроен в отношении судьбы ВТО менее катастрофично, ожидают, что даже если она и выживет, то её деятельность будет становиться всё менее актуальной. Даже по словам такого убеждённого сторонника многосторонности, как бывший заместитель генерального директора ВТО Алан Вулф, «нет никаких признаков того, что у США (или любого другого члена) есть планы, связанные с будущим ВТО». Лауреат Нобелевской премии экономист Пол Кругман в *New York Times* поддерживает линию Байдена, которую считает необходимой для защиты американских рабочих. В любом случае проблема гораздо шире, чем вопрос о тарифах Трампа: «*Трамп, возможно, пыхтел и пыжился, но Байден молча меняет фундаментальные основы мирохозяйственного порядка*, – подпитывая, по словам Кругмана, – *риск роста протекционизма во всём мире*».

Научный подход требует проверки хода событий фактами. Ситуация пока далека от катастрофического закрытия мирового рынка 1930-х годов, но нет сомнений, что великие империалистические державы движутся ко всё большей степени экономического национализма. В этой гонке промышленного перевооружения ВТО, её правила и судьи будут всё больше и больше рисковать стать помехой, но поскольку они существуют и до тех пор пока будут существовать, вокруг них продолжится противостояние империалистических и средних восходящих держав.

Энергетическое исключение в ВТО

В октябре администрация Джо Байдена ужесточила контроль за экспортом информационных технологий в Китай. Заявленная цель – «ограничение возможностей Китайской Народной Республики по приобретению и производству некоторых высокотехнологических чипов, используемых в военных целях».

Сравнивая этот шаг с бойкотом Дональда Трампа против телефонного гиганта Huawei, многие аналитики видят качественный скачок в технологическом сдерживании Китая, подобный нефтяному эмбарго, которое США ввели против Японии в 1941 году.

Война чипов

Ссылка на ту часть истории, которая началась с нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США во вторую мировую войну и закончилась атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки в 1945 году, призвана драматизировать сегодняшнюю дуэль между Вашингтоном и Пекином. Впрочем, именно администрация Байдена повышает тон. Согласно заявлениям советника по национальной безопасности Джейка Салливана, контроль за экспортом чипов призван «принести конкурентам издержки и даже со временем снизить их боеспособность». Выделяя миллиардные субсидии в рамках Закона о чипах на национальное производство полупроводников, США планируют «инвестиции, превышающие реальную стоимость проекта „Манхэттен“». Салливан неслучайно выбрал в качестве мерила начинание, благодаря которому Соединённые Штаты первыми в мире получили ядерное оружие.

Историк Крис Миллер из бостонского Университета Тафтса, автор недавно вышедшей книги *“Chip War”*, даёт американскому шагу более сдержанную оценку. В декабрьском интервью *Nikkei* Миллер отвергает аналогию с нефтяным эмбарго в отношении Японии, поскольку на данный момент блокада США касается лишь около 2% полупроводников, импортируемых Китаем. Обычные чипы, предназначенные для телефонов и компьютеров, не затронуты: «Обычный человек в Китае не увидит никакого влияния этих мер контроля ни в этом году, ни в следующем, ни в последующих». Кроме того, в отличие от ископаемых источников энергии, «в составе полупроводников очень мало того, что в одних странах есть в земле, а в других нет».

Специальные товары

В действительности эффективность торговой блокады сейчас весьма сомнительна даже в случае с энергоносителями, учитывая множественность источников и рынков в многополярном мире. Сегодня это демонстрирует пример России, чей экспорт нефти и газа, пострадавший от западных санкций после начала войны на Украине, нашёл других покупателей на мировом рынке. Однако верно и то, что энергетическое сырьё обладает некоторыми специфическими характеристиками и исторически имеет особый статус в мировой торговле. Объём невозобновляемых источников конечен и, главное, они очень неравно-

мерно распределены географически. В конце концов, именно геология планеты делает необходимыми международные обмены, как отмечает специалист Тим Джослинг из Стэнфордского университета: «Природные ресурсы – в такой же степени являются одной из причин возникновения торговли, как и собственно товаром» (*“The Oxford Handbook on the World Trade Organization”*, 2012).

Производство, транспортировка и распределение энергии связаны с крупной стационарной инфраструктурой: нефтепроводами, регазификационными терминалами, электросетями и т. д. Это очень сложные системы, дополнительно усложняемые необходимостью хранения. Речь идёт об очень капиталоемком секторе с высокой волатильностью цен, характеризующимся сильным присутствием государств и государственных субсидий, а также консорциумов и картелей, таких как «семь сестёр» и ОПЕК. Очевидно, что если нефтяные, угольные и газовые месторождения связаны со стратегическими интересами и вопросом национальной безопасности, то это непростая почва для применения свободного рыночного подхода.

Серая зона

«Одна из аномалий многосторонней торговой системы заключается в том, что в течение нескольких десятилетий она была в значительной степени отсоединена от мировой торговли энергоресурсами», – отмечает Крейг ВанГрасстек в своей институциональной истории ВТО. – «Это очень большое исключение, особенно после стремительного роста цен на энергоносители в 1970-х годах. Прошлая практика ГАТТ была примером неписаного, непризнанного, но тем не менее реального «джентльменского соглашения», которое в значительной степени удерживало нефть вне системы».

Формально многосторонние правила применяются ко всем видам товаров, но, по словам ВанГрасстека, на практике торговля нефтью и газом является исключением по трём основным причинам. Первая заключается в том, что исторически сложилось так, что основные экспортёры энергоносителей не входили в число стран-основателей ГАТТ в 1947 году. Например, Венесуэла, Мексика, Катар и Эмираты вошли в систему только в 1980-х и 1990-х годах. Вступление Саудовской Аравии в ВТО датируется 2000-м, а России – 2012 годом. Вторая причина – «параллельный режим» торговли нефтью, в центре которого находится ОПЕК, основанная в 1960 году «на совершенно иной основе, чем ВТО, поскольку она ориентирована только на один вид товаров, представляет только производителей, и её главная цель – не свободная торговля для взаимной выгоды, а ограничение производства и торговли в интересах членов картеля». Третья причина заключается в том, что различные юридические исключения в договорах, такие как статья XXI, которая допускает исключение по соображениям национальной безопасности, «как правило, делают неоднозначной применимость правил ВТО к торговле энергоресурсами» (*“The*

History and Future of the World Trade Organization”, 2013).

ОПЕК против МЭА

ВанГрасстек не упоминает, что с 1974 года Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК) противостоял картель нефтепотребляющих держав – Международное энергетическое агентство (МЭА). Создание МЭА стало ответом промышленно развитых держав на нефтяной кризис, вызванный войнами на Среднем Востоке и эмбарго ОПЕК. Быстрота этой реакции, согласно истории МЭА, написанной его бывшим функционером Ричардом Скоттом, стала возможной благодаря тому, что более развитые страны уже координировали свои действия через Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В этих рамках и даже в той же штаб-квартире в Париже и было создано новое энергетическое агентство (*“The History of the International Energy Agency – The First 20 Years”*, 1994).

Что касается идеологии глобализации, интересно отметить, что нефтяной сектор, который представляет собой количественно значительную и качественно ценную долю мировой торговли, де-факто остаётся исключённым из многосторонней системы и её правил, будучи разделённым на основе баланса сил между государствами, организованными в картели, такие как ОПЕК и МЭА. Последнее представляет собой одно из наиболее конкретных выражений ОЭСР, так называемого «клуба богатых стран» и предполагаемого оплота рыночной экономики. В триумфальные десятилетия либеристского цикла торговля энергоносителями – источник жизни мировой капиталистической экономики – оставалась объектом *realpolitik* держав, подтверждая наш анализ империалистического либеризма как неделимой комбинации единства и раскола.

Либеральные иллюзии

Ещё около 10 лет назад в дебатах учёных и международных чиновников было много тезисов о том, как ввести торговлю ископаемым топливом в многосторонние рамки. Под руководством француза Паскаля Лами (генерального директора с 2005-го по 2013 год) ВТО посвятила теме энергетики весь *“World Trade Report”* за 2010 год, дав ему подзаголовок *“Trade in Natural Resources”*. Однако её стремление к международному сотрудничеству сдерживалось признанием особых характеристик этого сектора. Тот же Лами во введении к докладу признал, что «слепое следование обычным рецептам большей торговой открытости может быть опасным».

В те годы усиление роли ВТО среди глав Дохийского раунда переговоров было навязано постепенной интеграцией в систему крупных производителей энергии. Как писал Лами в 2013 году: «Десятилетие назад только две из пяти крупнейших нефтедобывающих стран мира были членами ВТО. Сегодня единственная страна из десяти крупнейших производителей нефти, которая не входит в торговую

организацию, – это Иран. Только двое из десяти крупнейших мировых производителей газа не являются членами ВТО; опять же, Иран – один, а другой – Алжир. Но и Иран, и Алжир хотят присоединиться, как и все другие важные страны-производители энергоносителей, которые остаются вне ВТО, включая Ирак, Ливию и Судан» (*“The Geneva Consensus”*, 2013).

Осторожное стремление Лами к международному энергетическому сотрудничеству в рамках ВТО кажется особенно нереалистичным именно сегодня, когда Дохийский раунд заброшен уже долгие годы, ВТО полупарализована односторонними действиями США, а поставки энергоносителей рассматриваются в качестве оружия в войне между Россией и Украиной.

Оружие и энергетическая карта

Либеристская идеология мечтает об открытом, регулируемом, прозрачном, предсказуемом мировом энергетическом рынке, но реальность капитализма и империалистического века – это кошмар картелей, кризисов и кровопролитных войн, достаточно задуматься о количестве насилия, сконцентрированного в последние десятилетия вокруг энергетической артерии Персидского залива. Наш марксистский анализ всегда отвергал упрощённую детерминистскую концепцию «нефтяных войн», помещая энергетическую битву в рамки мирового империалистического противостояния. В соответствии с формулировкой Арриго Черветто, данной в 1979 году, речь идёт о конкуренции между империалистическими державами, «поскольку в экономических терминах говорить об энергии, означает обусловить производительность»¹.

Вот как это резюмировано в предисловии к книге Николы Капеллуто *“Energia e petrolio nella contesa imperialista”*: «Мы помещаем энергетические ресурсы в рамки «глобального баланса» империалистических отношений и их двойственной природы отношений присвоения и раздела долей в глобальном общественном капитале, включая доходы от добычи полезных ископаемых и нефти, и отношений силы, в которых контроль за доступом к ресурсам – прямой, косвенный или потенциальный – означает обусловливание или запугивание соперничающих и восходящих держав, предложение или запрос прав партнёрства или кондоминиума, геополитические рычаги для переговоров или шантажа. Именно в этом двойном аспекте нефть, газ, уголь и атомная энергия являются «экономическим оружием» и «политическим оружием» в многополярной динамике империализма».

Это, как нам кажется, является решающей причиной огромного вакуума в правилах и практике ВТО в столь фундаментальном секторе: в ожесточённой борьбе за энергию и посредством энергии великие державы желают сохранять свободу рук.

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2004. С. 596.

Закон джунглей в ВТО

В декабре Всемирная торговая организация (ВТО) признала нелегитимным аргумент о национальной безопасности, оправдывающий введение в 2018 году тарифов на сталь и алюминий президентом США Дональдом Трампом. 27 января американское правительство подало заявление об оспаривании решения и, таким образом, перевело процесс в апелляционный суд, который сами же США вывели из строя три года назад, наложив вето на назначение новых судей. Джо Байден продолжает унилатералистский курс Трампа, и его действия только подчёркивают медленное столкновение США и ВТО.

Политизированный суд

В конце прошлого года в интервью Совету по международным отношениям (CFR) торговый представитель Кэтрин Тай подтвердила решительную и даже угрожающую позицию президента Байдена. «Я думаю, что ВТО ступает на очень, очень тонкий лёд. И я думаю, что это действительно ставит под угрозу целостность системы». С точки зрения Тай, просто невыносимо, чтобы легитимность выбора демократически избранного правительства в области национальной безопасности оспаривалась «неизбранными, не совсем подотчётными лицами, принимающими решения в Женеве».

В январе мы уже писали о том, что защита ВТО правового принципа могла создать видимость, что организация является неполитичной, поскольку это втягивало многосторонний институт в прямую конфронтацию с США – первой мировой державой, создателем ВТО и историческим гарантом её полномочий.

Но есть и другая интерпретация. Профессор Джорджтаунского университета Марк Буш считает, что вердикт ВТО стал «подарком для Джо Байдена». В своей колонке в газете *The Hill* от 23 декабря Буш подчёркивает «снисходительное» и немногословное суждение, в котором, что существенно, не упоминаются два прецедента 2019 и 2020 годов, когда ВТО впервые высказалась об исключении, связанном с национальной безопасностью. Короче говоря, «приговор совершает сальто мортале, чтобы не смущать Вашингтон. Он не включает множество элементов, которые при их соблюдении могли бы увеличить внутренние политические издержки для Байдена». Не будем вдаваться в технические юридические аспекты, но отметим, что тезис о трибунале ВТО, способном и стремящемся проявить политическую чувствительность по отношению к Белому дому, интересен сам по себе.

Оконджо отстраняется

Полагая, что этот приговор рассматривается юристами ВТО как компромиссное предложение, Белый дом решил отклонить его, сразу заявив, что не будет уважать вердикт, а затем оформив апелляцию. Беспринципный унилатералист Соединённых Штатов больше не впечатляет международную прессу настолько, чтобы она выносила это на первые полосы, но в тревожных комментариях нет недостатка. *Le Monde* считает: «Всемирная торговая организация сталкивается с экзистенциальным кризисом». Джанан Ганеш сетует в *Financial Times* на явный «протекционистский поворот» Запада: торговая политика Байдена представляет собой победу популизма Трампа, у которого, хотя и нет должности, но имеется власть. Аме-

риканка Энн Крюгер, бывший главный экономист Всемирного банка и заместитель директора МВФ, опасается, что США идут как «сомнамбулы к мировой торговой войне».

В нескольких интервью, данных в январе в Давосе, генеральный директор ВТО нигерийка Нгози Оконджо-Ивеала попыталась преуменьшить значение дела: «Каждая нация имеет право определять свою собственную национальную безопасность, и я не думаю, что это подлежит обсуждению». Позиция США понятна: «Я не думаю, что мы должны её интерпретировать». Оконджо подчёркивает независимость Органа по разрешению споров и, похоже, не хочет давать ему своё политическое прикрытие. Более того, при обсуждении протекционистских субсидий, введённых администрацией Байдена, руководство ВТО призывает европейцев не обращаться в женеvский суд и считает, что «для них гораздо лучше поговорить с США» и добиться соглашения на переговорах. Тот же многосторонний судья предпочёл бы не вмешиваться в юридические баталии между великими державами, отрицая то, что теоретически было одной из фундаментальных причин его существования.

Встреча в Женеве

В своём выступлении на заседании Органа по разрешению споров в конце января посол США Мария Паган изложила комплексную позицию своей страны. С одной стороны, она объявила об апелляции, подчёркнув, что «на протяжении более 70 лет Соединённые Штаты придерживаются чёткой и недвусмысленной позиции о том, что проблемы национальной безопасности не могут рассматриваться при разрешении споров в ВТО». В то же время Паган указала на возможность подачи «исков о нарушении прав», которые на практике являются формой компенсации государствам, пострадавшим от введения тарифов Америкой, но без необходимости признания США того факта, что они нарушили нормы ВТО. Наконец, посол подтвердила приверженность Белого дома реформированию судебной системы ВТО, начиная с «необходимости прояснить и принять общее понимание важного исключения, связанного с национальной безопасностью». С этой целью США потребуют «авторитетного толкования» статьи XXI, в соответствии с которой, границы права определяются не женеvским судом, а правительствами государств-членов Генерального совета ВТО.

В ответе посла Китая Ли Чэнгана США осуждаются как «унилатералистский тиран». «Соединённые Штаты утверждают, что заботятся о «правилах» и торгуют в соответствии с «международным порядком, основанным на правилах», – комментирует он в «Синьхуа». – Но когда дело доходит до правил, противоречащих американским интересам, Соединённые Штаты без колебаний их нарушают».

Европейская альтернатива

Американскую версию оспаривает и представитель ЕС Дэвид Греспан: «Судьи не высказались в интересах безопасности Соединённых Штатов. Они просто заявили, как и два предыдущих судьи, что решения, касающиеся исключений, связанных с национальной безопасностью, не могут приниматься полностью «самостоятельно», а также утверждали,

что в международных отношениях спор не был войной или чрезвычайным положением». Другими словами, когда Трамп ввёл свои тарифы на импорт стали и алюминия, он не мог на разумных основаниях утверждать, что на карту поставлена национальная безопасность США. «ЕС полностью признаёт особый характер интересов безопасности, гарантированных исключениями в отношении безопасности, и необходимость свободы усмотрения для членов, ссылающихся на такие исключения. Однако это усмотрение не может быть безграничным, потому что может привести к злоупотреблениям».

Как уже упоминалось, апелляция Вашингтона не будет услышана, что фактически заморозит весь спор, поскольку Апелляционный орган парализован обструкционизмом самих США. По словам Греспана, для ЕС первоочередной задачей является восстановление надлежащего функционирования судебной системы ВТО. Тем временем «ЕС предлагает всем членам использовать альтернативные механизмы», чтобы иметь вторую судебную инстанцию, такую как система временного арбитража, введённая в действие по инициативе Европы и Китая. Показательно, что Брюссель продолжает использовать эту карту, о которой мы уже писали в приложении к номеру нашей газеты от июня 2020 года, в статье «Ось ЕС – Китай в судебных инстанциях ВТО».

Тест на добросовестность

Специалист Буш в газете *The Hill* от 3 февраля утверждает, что вариант подачи «исков о нарушении прав» трудно реализовать с юридической точки зрения и что посол Паган это прекрасно понимает, а призыв к «авторитетному толкованию» статьи XXI может привести к тому, что США окажутся изолированы от тех, кто считает, что правительство, использующее аргумент о национальной безопасности, должно «самостоятельно» рассудить этот вопрос.

По мнению Буша, «самое интересное в наблюдениях Паган – это то, что она не сказала». Американский посол ни разу не упомянула понятие «добросовестность», с которой должны толковаться нормы ВТО и в целом договоры в рамках международного права. Апрельский вердикт 2019 года по российско-украинскому спору, в котором суд ВТО вынес первое в истории решение об использовании статьи XXI, определяет «добросовестность» как «минимальное требование правдоподобия» при оспаривании вопроса о национальной безопасности. Как бы другие страны ни откликнулись на предложения Паган, заключает Буш, позиция Белого дома «не выдержала этого испытания на добросовестность. Исключение, касающееся национальной безопасности, просто не может быть расширено до версии США».

С более общей политической точки зрения, Соединённые Штаты продемонстрировали, что обладают силой и способны парализовать женеvский суд своим правом вето, но, похоже, они не в состоянии навязать свою волю в дискуссии о реформе системы ВТО, о которой говорят уже долгие годы без какого-либо ощутимого прогресса.

ВТО на льду

Двусмысленные и неуловимые формулы международного права, такие как «добросовестность», являются оружием

в этих «бумажных» битвах, которые, однако, ведутся между реальными державами и отражают конкретные интересы. В комментариях либерального характера настораживает рефрен о том, что без трибунала ВТО отношения между государствами скатятся к «закону джунглей» с его правом сильнейшего. Международное право необходимо господствующему классу в рамках логики, проиллюстрированной Фридрихом Энгельсом в «Анти-Дюринге» (1878): «Торговля в крупном масштабе, следовательно в особенности международная, а тем более – мировая торговля, требует свободных, не стеснённых в своих движениях товаропроизводителей, которые как таковые равноправны и ведут между собой обмен на основе одинакового для них всех права, – одинакового по крайней мере в каждом данном месте»¹.

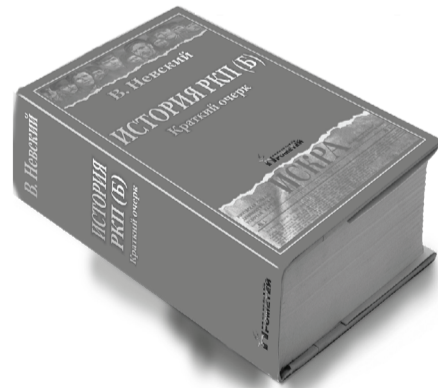
Крупные промышленные и финансовые группы заинтересованы в упорядоченном функционировании мирового рынка, но в постоянной экономической борьбе друг с другом не могут его гарантировать. С этой точки зрения, видимость порядка, регулируемого правилами ВТО, всегда держалась на очень тонком льду, под которым течёт ледяная вода «эгоистического расчёта», о которой Маркс и Энгельс писали в «Манифесте» 1848 года, описывая буржуазный мир с его господством «голового интереса» и опорой на «одну бессовестную свободу торговли»².

Как учил Лоренцо Пароди, рабочий вожак, который вместе с Арриго Черветто основал *Lotta comunista*, «никогда не забывайте, что капиталистическая система по отношению к интересам рабочего класса – это закон джунглей».

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 106.

2 – Там же. Т. 4. С. 426.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения, статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист в своих
ранних работах», «Философия
мёртвой реакции», карты, схемы
и иллюстрации, примечания,
хронология, библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Манила запрыгивает в поезд ВРЭП

В январе год исполнился вступлению в силу Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), исторического соглашения о свободной торговле между Китаем, Японией, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией и АСЕАН, Ассоциацией десяти государств Юго-Восточной Азии. «Крупнейший в мире торговый блок», – нахваливала его редакционная статья газеты *China Daily*, согласно которой «участие Китая во ВРЭП демонстрирует приверженность страны открытости и стремление продвигать многосторонний подход, а также свободную торговлю».

Филиппинская задержка

После ожидаемой 21 февраля ратификации Сенатом Манилы последняя отстающая страна сделает необходимый шаг к реализации ВРЭП, если оставить за скобками подвешенное положение Мьянмы, чей военный режим не полностью признан правительствами соседей. Уже находящийся на ходу поезд ВРЭП в лице Филиппин присоединяет к себе внушительный вагон: архипелаг в географическом центре региона с более чем 110 миллионов жителей и экономикой, признанной Всемирным банком одной из самых динамичных в Азиатско-Тихоокеанском регионе; среднегодовой рост составлял 4,5 % в десятилетие 2000–2009 годов и 6,4 % в 2010–2019 годы. Среди государств группы АСЕАН Филиппины находятся на относительно более низком уровне развития. По данным МВФ на 2022 год, ВВП на душу населения составляет около 3.600 долларов, что ниже среднего показателя по АСЕАН (5.400), меньше половины от уровня Таиланда (7.600) и меньше трети от уровня Малайзии (13.100).

Конкуренция между малыми державами Юго-Восточной Азии была одним из главных аргументов председателя Сената Филиппин Хуана Мигеля Зубири в заключительной речи в поддержку одобрения ВРЭП. «Раньше у нас была самая большая швейная промышленность в регионе, теперь это “Made in Cambodia” или “Made in Laos”, особенно теперь, когда они уже в ВРЭП». Манила уже заплатила в этом году за задержку в присоединении к азиатской либерализации, однако, как уверяет Зубири, «мы всё ещё можем наверстать упущенное благодаря ВРЭП».

Индийское зеркало

Филиппинские дебаты перекликаются с темой внешнего принуждения, характерной для европейской интеграции. Региональная экономическая интеграция и открытие для международной конкуренции рассматриваются как рычаги для проведения необходимых структурных реформ. Экономист Сиелито Хабито, который в 1990-х годах был директором Национального управления экономики и развития Филиппин (NEDA), Министерства планирования, предупреждает на страницах газеты *Philippine Daily Inquirer*, что «оставаться вне ВРЭП – это всё равно, что бесконечно держать дополнительные колёса на велосипеде ребёнка – значит задерживать его способность ездить самостоятельно». Из различных редакционных статей в местной прессе становится ясно, что Манила ищет

во ВРЭП аналог Маастрихтского договора, с помощью которого можно было бы расшатать большую внутреннюю коалицию, выступающую за сохранение статус-кво. На страницах *Philippine Star* Джерардо Сикат, директор NEDA в 1970-х годах, призывает убрать из Конституции ограничения на иностранные инвестиции. «Нам нужно укрепить наши экономические мускулы, реформировать основу нашей конкурентоспособности, привлекая больше экономических игроков, у которых больше капитала, больше технологий и больше управленческих навыков».

Те, кто опасается большей открытости торговли, приводят в пример Индию, которая отказалась от ВРЭП на последней стадии переговоров, в 2019 году, с заявленным намерением защитить себя от нашествия китайских товаров. Винни Монсон, ещё один руководитель NEDA в 1980-х годах, в комментарии на сайте *Rappler* одобряет выбор правительства Нарендры Моди, которое «берёт паузу для решения внутренних проблем, прежде чем открывать новые возможности для торговли». Филиппины получают более широкий доступ к рынкам других стран ВРЭП, «но, если мы не сможем конкурировать, наша продукция не будет продаваться на этих рынках. Другими словами, если мы не сделаем свою домашнюю работу, нас не переведут в другой класс».

Сторонники интеграции во ВРЭП, в свою очередь, смотрят в зеркало на конкурентов по АСЕАН и, в частности, на Вьетнам: эта страна, сравнимая с Филиппинами по демографическим показателям и ВВП на душу населения, переживает мощное промышленное развитие, участвуя как в ВРЭП, так и в конкурирующей инициативе Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Манила также долгое время обсуждала возможность подачи заявки на участие в ТТП, отказавшись от этой идеи только после американского выхода из данной инициативы по решению президента Трампа в 2017 году.

С политической точки зрения, интересна версия Ригоберто Тиглао, обозревателя газеты *Manila Times*, бывшего посла, пресс-секретаря и руководителя аппарата президента Глории Макапагал-Арройо в 2000-х годах. По словам Тиглао, «Филиппины присоединились последними из-за давления двух маловероятных союзников: групп фермеров и США, выступающих против торгового блока с доминированием Китая». Учитывая относительную слабость филиппинского экспорта, решение о ратификации ВРЭП не было основано на экономической оценке: «Нам пришлось присоединиться, потому что все наши соседи, даже самые богатые из них, сделали это в 2021 и 2022 годах. У нас не было выбора». Филиппинское правительство настаивает на центральной роли АСЕАН, но, по мнению Тиглао, инициатива остаётся полностью китайской. «ВРЭП станет блоком свободной торговли, в котором будет доминировать сверхдержава нашей части мира – Китай, точно так же как США контролирует западное полушарие с помощью НАФТА, а Германия и Франция – Европейский союз».

Манчестер в Азии

Тиглао скептически оценивает торговые выгоды для Манилы: «Неоспо-

рым преимуществом ВРЭП является то, что оно отодвинет территориальные и морские споры в Южно-Китайском море между Китаем, Филиппинами, Вьетнамом и Малайзией на задний план, на чём всегда и настаивали китайцы».

В марте редакционная статья нашей газеты напоминала о манчестерской идеологии, основанной на идее свободной торговли как гарантии мира и переработанной в немецком социал-империализме Карла Каутского. Вместе с мировым рынком капитализм создал свои мировые идеологии, которые спустя столетие мы находим на другом конце света, в утверждении о том, что ВРЭП предотвратит конфликты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В конце концов, пишет Тиглао, «Франция и Германия вели войны друг против друга на протяжении столетий, пока не был создан Европейский союз».

На сегодняшний день, разумеется, очевидно, что европейский процесс не устранил войну и даже не отдалил её на значительный срок, но настоящая фальсификация Тиглао заключается в изображении Китая безраздельно господствующим в регионе игроком. Азия является эпицентром противостояния, все великие державы имеют здесь свой капитал и стратегические интересы, и вся империалистическая амбиция Китая реализуется в многополярном регионе, где пересекаются сферы влияния как минимум таких держав, как Соединённые Штаты, Япония, Индия и Европейский Союз. Например, 7 марта газета *Le Figaro* торжествовала по поводу успеха крупной французской группы Alstom, выигравшей контракт стоимостью более миллиарда евро на расширение метро в Маниле. Этот проект координируется Mitsubishi и финансируется японским капиталом. Пространство азиатского развития – это открытое для всех мировое охотничье угодье.

Пушки и масло

Редакционная статья Тиглао в *Manila Times* завершается замечанием, что «президенту Фердинанду Маркосу-младшему следует отдать должное за сопротивление попыткам США отговорить нас от вступления во ВРЭП». Следует добавить, что давление Вашингтона, похоже, было разнонаправленным, поскольку Торговая палата США на Филиппинах открыто выступала за присоединение ко ВРЭП. Прежде всего, следует сказать, что правительство Манилы уравнивает свое участие в азиатской торговой инициативе рядом важных военных соглашений с США. Посол США в Японии Рам Эмануэль утверждает о «беспрецедентных темпах стратегической перегруппировки» азиатских великих и средних держав в проамериканском и антикитайском направлении.

Азиатскую дипломатию президента Джо Байдена часто обвиняют в несбалансированности в области безопасности и недостаточных усилиях на экономическом фронте. Этот аргумент повторяется в редакционных статьях *Washington Post*, последняя из

которых была опубликована 8 февраля: «Многие азиатские чиновники и аналитики жалуются, что без торгового компонента стратегия США по противодействию Китаю в регионе состоит только из пушек и не содержит масла. Эта критика справедлива». Вакуум, открывшийся после выхода Трампа из соглашения ТТП, похоже, не способен заполнить альтернативный проект Индо-Тихоокеанской экономической структуры (ИТЭС). «Действительно, ИТЭС даже не является соглашением, – пишет *Washington Post*, – скорее наброском, имеющим целью скорее начать переговоры о возможном договоре». Репутация торговой политики Белого дома в отношении Азии может быть запятнана, но это лишь частично касается исторической экономической и военной проекции Вашингтона в регионе. В американском масле недостатка нет, и, в любом случае, пушки имеют значение.

Вооружённая многосторонность

Говоря о запуске ВРЭП в январе 2022 года, китайская газета *Global Times* выступала с осуждением протекционистской преемственности между Трампом и Байденом. «Однако ВРЭП предоставит Азии, включая Китай, хорошую возможность построить дамбу, иначе говоря, – получить защиту, – от попыток правительства США откатиться от экономической глобализации и подорвать её». Китайская поговорка гласит: «Рядом с ползатонувшей лодкой плывёт тысяча других». Сегодня в Азиатско-Тихоокеанском регионе во главе либералистской инициативы и манчестерской идеологии стоят преимущественно азиатские державы – Япония и Китай – с ВРЭП и ТТП. Именно так мы определяли возможный уровень многосторонности в условиях, когда односторонняя позиция, занятая Соединёнными Штатами, сделала многосторонний форум высшего уровня – Всемирную торговую организацию – непригодным для использования инструментом.

Полупаралич ВТО частично компенсируется крупными региональными соглашениями о свободной торговле и множеством двусторонних инициатив. Это не умаляет того факта, что знак мирового цикла меняется. Начался второй тайм новой стратегической фазы, решающим признаком которого является ускорение мирового перевооружения. Многосторонность мечется между интенсификацией двусторонней дипломатии, преобладанием нескрываемой промышленной политики в Азии и Евразии, тяготению США к блоковому противостоянию. В нашем видении это очерчивает на «некоторое время» перспективу вооружённого либерализма.

Среди «тысячи лодок» китайской многосторонности с ветром в парусах и на фоне обломков американского либерализма *Global Times* забывает упомянуть об авианосцах, которые себе строит Пекин. Именно эти верфи, прежде всего, задают время мирового противостояния.